НЕ ВЕРЬ *глазам своим*

ЭЛЛИСОН МАЙКАС

Эллисон Майклс
Не верь глазам своим

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70069789
SelfPub; 2023

Аннотация

Жизнь Сары Лодердейл напоминает вырезку из глянцевого журнала. Она красива, успешна и до неприличия богата, ещё и собирается замуж за мужчину мечты. Но всё рушится, когда на пороге появляется незнакомец и представляется человеком из её прошлого, о котором она не слышала уже долгое время. Брат, который пропал пятнадцать лет назад, не оставив после себя ни единого следа. Незнакомец один в один похож на Джонатана Лодердейла, исчезнувшего прямо у ворот школы. Те же глаза, тот же шрам, даже ожог на груди и воспоминания о прошлом, которые мог знать только брат Сары.Стоит ли довериться первому встречному? Или незнакомец совсем не тот, за кого себя выдаёт? Ведь глаза видят то, что хотят видеть. И порой, доверять им совсем не стоит.

Содержание

Сентябрь, 2008 4
Пятнадцать лет спустя 7
Глава 1 7
Глава 2 16
Глава 3 34
Глава 4 54
Глава 5 66
Глава 6 80
Глава 7 91
Глава 8 106
Глава 9 124
Глава 10 142
Глава 11 159
Конец ознакомительного фрагмента. 164

Эллисон Майклс
Не верь глазам своим

Сентябрь, 2008

15 сентября, «Телеграф»:

Сын Роджера Лодердейла бесследно исчез

«Джонатан Лодердейл, 10-летний сын известного инвестиционного банкира Роджера Лодердейла сегодня днём бесследно исчез прямо у дверей частной школы Вест Ройал. По предварительным данным, его забрала домработница Лодердейлов, Мария Веракрус. Однако до дома Мария и Джонатан так и не добрались.

Уже пять часов о мальчике ничего не известно. За дело взялась полиция Балтимора. Капитан Гувер, глава отделения полиции Хэмпдена, сообщает:

– Как правило, мы объявляем человека в розыск по истечению трёх дней с момента его пропажи. Но, когда дело касается маленьких детей, мы обязаны начать расследование как можно раньше.

Роджер и Вирджиния Лодердейлы отказались дать какие-либо комментарии».

***

16 сентября, «Дейли Ивнинг»:

Джонатана Лодердейла похитили?

«Прошло тридцать два часа с момента исчезновения 10-летнего Джонатана Лодердейла. Глава отделения полиции Хэмпдена, капитан Гувер, развернул полномасштабную операцию по розыску пропавшего мальчика и его няни, Марии Веракрус.

– Обычно Джонатана забирают на машине, – поделился с репортёром «Дейли Ивнинг» Ян Эбердин, приятель Джонатана. – Но вчера они с няней ушли пешком.

– Не могу поверить, что это произошло с одним из наших учеников. – Заявила миссис Пирс, директор школы Вест Ройал.

– Просим сообщить полиции любую информацию касательно Джонатана Лодердейла или его няни. Любая мелочь может помочь следствию. – Выступил с просьбой к жителям Балтимора капитан Фрэнк Гувер.

Мистер и миссис Лодердейл по-прежнему не дают никаких комментариев».

***

17 сентября, «Балтимор Сан»:

Джонатан Лодердейл так и не найден

«Прошло три дня с момента исчезновения 10-летнего Джонатана Лодердейла. Весь город погрузился в дымку ожидания и печали.

Полиция исключила факт похищения – с Лодердейлами так и не связались по поводу выкупа. Основная версия по-

ка не озвучена – капитан Гувер не раскрывает детали расследования и призывает всех сотрудничать со следствием, дабы маленький мальчик вернулся к убитым горем родителям как можно скорее.

Роджер и Вирджиния Лодердейл не покидают стен своего дома в Хэмпдене и не общаются с прессой. Их последнее утешение – старшая дочь Сара, которая с нетерпением ждёт возвращение брата домой».

Пятнадцать лет спустя

Глава 1

Бриллиант лучезарно подмигнул при встрече с солнечным бликом, пока я вела ладонью по кружеву тугого корсета. Идеальное сочетание роскоши и изящества. Гипюр витиеватым узором обрамлял моё тело, а золотое кольцо – палец. Два символа любви, что встретились на последней примерке.

Искусный ювелир в полумраке мастерской бутика «Картье» изрядно потрудился, чтобы вместить три карата благородного камня в золотой каркас. Отшлифованный и доведённый до совершенства тот долго не задержался в бархате витрины Бельведер Сквер и очутился в руках Марка. Одно колено, предложение руки и сердца, всё в лучших традициях, и вот я примеряю свадебное платье в помпезном салоне города в последний раз.

– Вам нравится? – С замиранием сердца спросила Айви, девушка-консультант, что услужливым облаком вилась вокруг каждой достопочтенной гостьи.

Я провела рукой по «витражному» лифу из кружев и переплетённых нитей. Длинный подол водопадом растекался по моим ногам и утекал в бесконечность. Никогда ещё не чувствовала себя такой красивой, даже дыхание перехвати-

ло. Осмотрев своё отражение в массивном трюмо, я остановила взгляд на своих глазах. Они блестели от восхищения и чего-то ещё… Сомнения, настолько крошечного – меньше бриллианта, что сиял на моём пальце. Но я тут же прогнала это чувство и произнесла:

– Бесподобно.

Предсвадебный мандраж, и только. Это платье неделю подгоняли по моим меркам перед финальной примеркой, лишь бы угодить дочери Роджера Лодердейла. Для «Мариэль», свадебного салона в Риверсайд, мой заказ – лучшая реклама, поэтому Айви с замиранием сердца ждала моего вердикта в стороне.

Я перемерила с сотню платьев из атласа, сатина, органзы и шёлка Армани. Белые, пудровые, бледно-розовые и цвета шампанского. Пышные, прямые, А-силуэтом, русалкой и даже в стиле ампир. Мама буквально за ручку таскала меня по салонам и впихивала в очередное подобие сахарной ваты, а мне приходилось сносить все эти издевательства. Пыхтеть под плотными юбками и тугими корсажами, пока она пользовалась всеми привилегиями богатой покупательницы. Рассиживалась на бархатных диванчиках, уплетала белый бисквит с прослойкой из малинового конфи и запивала отборным шампанским из бережливых запасов.

Мы долго воевали. Насчёт каждой детали свадьбы, но насчёт платья особенно. Было странно обращаться в салон, когда я сама – городской кутюрье со стажем и собственным

представлением об идеале. Но мама настояла на том, чтобы наряд для меня шил кто-то другой.

– Даже Стелла МакКартни носит Версаче. Лишний повод прорекламировать себя и наладить связи. – Убеждала меня мама.

Похоже, её поиски идеального свадебного платья забавляли больше, чем меня. Но каждый раз, как ширма являла меня её придирчивому взгляду, тонкие губы в телесной помаде Вирджинии Лодердейл поджимались в скрытом неудовольствии. Хоть в чём-то мы с мамой сходились во взглядах. Ни одно из этих дорогущих платьев не подходило.

На нас истратили изрядно пузырьков, кондитерских изысков и натянутых улыбок, прежде чем мы очутились в «Мариэль» и я примерила первое увиденное платье. Чехол-основа из телесной сетки повторял тон моей кожи, а кружево, точно нарисованный морозом узор, расписывал моё тело. Такие платья сейчас в моде, но на моду мне всегда было плевать, в отличие от мамы. Я сама её создавала. В таком наряде я чувствовала себя собой, а это для меня важнее всего. Не потерять себя, когда жених наденет на палец кольцо и услышит «да».

Платье подогнали по размеру, так что теперь нужно ещё тщательней следить за фигурой, чтобы за два дня до свадьбы не пришлось начинать всё заново. Не хватало ещё, чтобы у мамы случился инфаркт от того, что её дочь не влезла в идеальное платье и испортила все фотографии, которые попадут

на страницы «Морнинг Джеральд», «Телеграф» и даже «Балтимор Бизнесс Джорнал» благодаря влиянию моего папочки. Права на освещение торжества прямо с места выкупила «Балтимор Сан» за кругленькую сумму, что покроет часть расходов. Хотя мне не о чем переживать, ведь отец сам вызвался оплачивать свадьбу своей единственной дочери, как бы Марк не протестовал.

Несмотря на то, что я сама занималась подготовкой – не без вмешательства мамы и Бри, свадебного организатора, чей час стоил дороже моего – я и знать не знала, какая сумма там выходит под чертой «итого». В мою задачу входило лишь указывать пальцем на то, что пришлось по вкусу, а счёт благополучно улетал прямиком к отцу. А говорят, счастье за деньги не купишь. Хотя я не из тех, кто ставит знак равенства между счастьем и всякими побрякушками. Я просто знаю цену и тому, и другому. Но не на всё можно повесить ценник.

Любовь уж точно не продаётся. Марк ведь тот самый… Но не слишком ли мы торопимся?

Звонок мобильного телефона намекнул, что пора прекращать накручивать саму себя. Я попросила Айви подать мою сумочку, благополучно забытую на розовом диванчике. Сегодня там не было мамы, которая бы глотала кремовые коржи и вздыхала над платьем, хлопала в ладоши и вздёргивала свой точёный носик, как мраморная статуя греческой богини.

Лист календаря, что смахнулся на пятнадцатое сентября, оправдывал её отсутствие. Ровно день в день у матери начинались сильнейшие мигрени. Констанс, её верная домработница, задёргивала все шторы в доме и приносила ещё одно одеяло с верхних полок платяного шкафа «Бональдо», привезённого из Италии. Ставила на прикроватную тумбочку поднос с графином воды, пузырьком успокоительных и этажерку со сладкими фруктами, за которыми успевала сбегать с утра пораньше на фермерский рынок. Мама ещё несколько дней проваляется в постели в одной шёлковой сорочке и повязке на глаза, пока Констанс будет выписывать вокруг неё пируэты и исполнять мельчайшие желания, будь то классическая музыка, чтение поэзии или разговор по душам. Хорошо хоть, у Вирджинии Лодердейл хватало совести не просить помощницу саму исполнить «Лунную сонату» Бетховена.

Сколько бы жалости не обитало в моём сердце к матери, порой, её поведение доводило меня до белого каления. Куда делась та простая, милая женщина, что жила в квартирке над железными путями, пила чай из пакетиков и смеялась от души? Её стёрли не только несметные богатства, так внезапно зазвеневшие в кармане, но и скорбь. А у скорби не бывает срока годности.

Выудив из сумочки телефон, я ожидала увидеть имя мамы на экране. Она и за сотню миль учует, что я стою посреди салона в помпезном платье. Но это оказалась Оливия.

– Привет, Лив! – Выдохнула я, не в силах пережить не только примерку, но и болтовню с мамой о шифоне, слишком низком по её меркам торте и мэре, которого она пригласила на нашу свадьбу.

– Сара. – Голос подруги приятной мелодией зазвучал по ту сторону трубки. – Я, конечно, понимаю, что главная невеста города по уши в делах. – Я усмехнулась её шутливому обвинению. – Но это не повод забрасывать друзей.

– Прости, Ливви. Если ты не занята, то ещё можешь успеть на мою последнюю примерку.

Из всех возможных знакомых и навязанных матерью «подруг», вроде Шейлы, Амелии или Тиффани, с которыми мне приходилось притворяться своей по указке, я бы хотела видеть Оливию рядом. Чтобы она стояла за моим плечом и любовалась этим произведением искусства из воздуха и ткани с искренним восхищением и радостью за меня, а не с наигранным одобрением, за которым пряталась зависть. Я выходила за Марка Эбердина, жениха на миллион. А когда кто-то кусает последний лакомый кусочек, в остальных просыпается голодная жадность.

– Я бы с радостью, но кому-то же надо работать, пока ты выбираешь торты. – Я так и видела, как Оливия зрелищно закатывает глаза. – Ну и как оно? Твоё платье?

– Потрясающее. Жалко, что ты не со мной и не видишь его.

– Мне тоже, но у меня есть всего полчаса на обед, вот я и

звоню, чтобы пригласить тебя на чашечку кофе.

Я бросила взгляд на наручные часики – белое золото от «Майкла Корса», подарок на прошлый день рождения от родителей Марка. Два сорок пять. Через пятнадцать минут меня ждут гораздо более важные дела, чем кружева и фата. Пока мама прозябает в своём мирке горя и капризов, я обещала подменить её на важной встрече. Сколько бы удачных сделок я ни закрыла, сколько бы бизнес-ланчей не провела, но *эта* сотрясала поджилки и вызывала спазмы внизу живота.

– Прости, Ливви. – Повторила я. – Сегодня никак. Через пятнадцать минут я обедаю с Ричардом, а до сих пор не вылезла из платья.

– Ричардом? – Игриво переспросила подруга. – Ричардом Клейтоном? Твоим тайным воздыхателем?

– Что? – Прыснула я и жестом подозвала тихо выжидающую Айви, чтобы она помогла мне расстегнуть корсет. Одной рукой со всеми этими пряжками не управиться. – Ох, Лив, только не начинай… Никакой он не тайный воздыхатель, а старый друг семьи.

– Ну, может он и старше тебя на двенадцать лет, а старым его уж никак не назовёшь. Тем более с его-то внешностью! Он же красив, как Аполлон!

– Да? Не заметила. – Безразлично бросила я, дикой кошкой выгибая спину, чтобы помочь Айви. Ложь всегда щекотала мне язык, вот и сейчас во рту как будто закопошился муравейник. Конечно, я заметила.

– Брось, Сара. Я понимаю, ты выходишь замуж и всё такое. – Не унималась Оливия. – Но ты не могла не заметить его обаяния, как и того, как он смотрит на тебя.

В любой другой день я бы похихикала с её шуточек, но не сегодня. Примерка, встреча с Ричардом и годовщина исчезновения – всё взболталось в опьяняющий коктейль, совсем не похожий на местное шампанское по вкусу. Он не ласкал пузырьками, а отдавал кислотой.

– Всё, Оливия, я вешаю трубку. – Почти выкрикнула я в динамик, когда Айви стала выпихивать меня из облака кружев.

– Мы вышлем вам платье курьером. – Сообщила девушка, развешивая мой наряд на вешалке у трюмо. – Оставьте свой домашний адрес.

Я чиркнула имя и адрес родителей в Хэмпдене на протянутой визитке «Мариэль». Мама всё равно захочет взглянуть на принаряженную дочь, как только выйдет из своей скорбной комы. Мысль повисла на крючке подсознания: это всего лишь отговорка, чтобы не видеть платья в собственной квартире. Не натыкаться на него при каждом удобном и неудобном случае, не видеть в нём образ Сары Эбердин, которой я вскоре стану. Это пугало меня до чёртиков, но мысль тут же сорвалась с крючка, как прожорливая рыба, и я заглушила её плеск звуком своего голоса:

– Сколько с меня?

– О, не волнуйтесь. – Улыбка Айви вышла шире Тихого

океана. – Ваш отец уже за всё заплатил.

Другой бы дочери это польстило, но меня укололо в самое сердце. Наверняка папочка открыл счёт в «Мариэль» на моё имя, и те несколько тысяч покрывали цену на платье с лихвой, так что на остаток владелица салона сможет целый месяц прожить на широкую ногу, а Айви получит хорошие чаевые. Впрочем, последнее меня чуточку согрело, хоть я и стояла посреди примерочной в одном нижнем белье.

Оставалось семь минут. Я тихо выругалась и принялась натягивать брюки. После плотных кружев они ласково поглаживали кожу, а блузка обняла грудь непроницаемым щитом. Мои боевые доспехи против того, что я услышу от Ричарда Клейтона. Или чего не услышу.

Перед тем, как проститься с Айви и выбежать из салона, я в последний раз взглянула на белое платье, что осталось висеть у трюмо. Последний штрих приготовлений. Последняя лазейка пути перед прыжком в неизвестность. И только время покажет, откроется ли парашют, или я упаду прямо в пропасть.

Глава 2

Свадебное платье можно вычёркивать из списка. Следом за согласованием меню, выбором торта и рассадкой гостей. Буквально вчера мы с Бри проторчали два часа в ресторане «Паскаль» в Чарльз Виллидж с тонкими фужерами и пухлыми папками. В одних плескалось «Перье Жует», в других – вырезки из люксовых журналов и личные подборки Бри. Полезно иметь такого человека под рукой. Ты только успеешь подумать о цветах, подсвечниках или горячем, как она уже достаёт нужные образцы.

Мы встречались так за бокальчиком розе уже раз в седьмой, чтобы окончательно определиться с важными моментами и подбить смету. И почему каждая деловая встреча обязательно сопровождается вином или шампанским? Так же и спиться недалеко.

Мне бы очень помогло, если бы Марк смог вырваться с работы и своими глазами увидеть всё это ассорти из блюд, цветочных композиций и цветовой гаммы. Но, как бывает, все приготовления сбросили на меня, так что пришлось самой согласовывать три горячих блюда, трёхъярусный торт со свежей черникой и белоснежные скатерти. С последним оказалось сложнее всего, потому что Бри предложила моему вниманию целых шесть – шесть! – оттенков белого. Хорошо, что я наняла кого-то, кто знает о таких вещах. Бри Маркетт –

лучшая в своём деле, мама была права. Именно по её наводке я и встретилась со своей спасительницей. Теперь я могла не волноваться о том, что напортачу, и в заголовках «Балтимор Сан» появится постыдное разоблачение: «Свадьба Лодердейл-Эбердин – провал года!».

Будь моя воля, я бы отпраздновала этот день в тесном семейном кругу. Мои родители и родители Марка – никого больше. Ну и Оливия. Счастье любит тишину, но ни Лодердейлы, ни Эбердины о таком выражении явно не слышали.

– Ты не можешь так поступить с нами! – Обиделась мама, когда я сообщила ей о своих скромных желаниях. – Этого события все будут ждать с нетерпением! О тебе будут писать газеты и модные журналы! Разве можно лишить людей такого удовольствия?

Единственная, кто получит от всей этой пышности удовольствие, – моя мама. Ну и отец, которому представится очередной шанс похвастать своими золотыми запасами и посиять семейным древом на публике. Меня же одна мысль о светском приёме с собственной персоной в центре внимания доводила до дрожи. Стало только хуже, когда мать протянула листок со списком приглашённых.

– Сто двадцать человек?! – Воскликнула я, нарушая все мыслимые и немыслимые законы вежливого тона, что мама годами навязывала нам с отцом. – А это не слишком, мам?

– Слишком? – Изумилась она, выгибая бровь Триумфальной аркой. – Да это ведь самые сливки.

Так было заведено у Лодердейлов, сколько я себя помнила. В нашем доме ничего не делалось «слишком» или «сверх». Столовое серебро на завтрак, бриллиантовые серьги на Рождество, место в ВИП-ложе на постановку «Щелкунчика». Всё в порядке вещей, точно мы – королевские отпрыски с манией величия.

Кого-то деньги меняли до неузнаваемости, как мою маму. Кого-то заставляли чувствовать себя чужой в этом мире, как меня. Но она не всегда была такой. Когда-то я знала другую Вирджинию Лодердейл. С сияющей улыбкой вместо отточенной маски любезности. С искристыми морщинками у глаз вместо растянутого уколами полотна идеально ровной кожи. С тёплыми объятьями вместо галантного тройного поцелуя в щёку при встрече. Если я только собиралась спрятаться за гипюром свадебного платья, то мама носила *своё платье* годами, и оно въелось в неё второй кожей.

Да, Вирджиния Лодердейл относила себя к сливкам на элитном сорте кофе и всем вокруг давала это понять, но не каждому – испить. Поэтому я даже не удивилась, что встреча с Ричардом Клейтоном была назначена в ресторане «Эль Сальвадор» на Бродвей-стрит. Она никогда не обедала в местах, не заслуживающих пяти звёзд по её личному рейтингу роскоши. А «Эль Сальвадор» тянул на все пять.

Я вздохнула, как только увидела его сводчатые арки и белоснежную лепнину – интересно, к какому оттенку белого Бри Маркетт отнесла бы цвет фасада? Безупречная хостес

встретила меня сверкающей улыбкой. Она идеально вписывалась в интерьер – не меньше пяти звёзд. Я опаздывала и поспешно ответила на её любезность просьбой провести меня к столику мистера Клейтона.

– Он вас уже ожидает. – Таким сладким бывает только топлёный шоколад. Наверняка эта красотка смазывает голосовые связки маслом, чтобы обласкивать гостей мелодией своего голоса.

От волнения я чуть не засмеялась, вспомнив свою ложь Оливии. Конечно, я заметила, как красив Ричард Клейтон. Заметила и пятнадцать лет назад и сейчас. Его заметила каждая женщина, что сидела за столиком «Эль Сальвадор» и накручивала прядь волос на наманикюренный пальчик – его невозможно не заметить. Пусть его пиджак выбивался из привычного пятизвёздочного антуража и терялся на фоне дизайнерских костюмов других мужчин, но ведь не одежда красит человека, а как раз наоборот.

Не замечал собственной красоты разве что он сам. Ещё одно достоинство в копилку Ричарда Клейтона. Ведь нет ничего сексуальнее мужчины, который не знает о своей сексуальности.

Полгода его не видела. Ричард сидел за столиком в центре и притягивал взгляды, как магнит притягивает другие полюса. К сорока годам он ничуть не изменился, лишь обзавёлся парочкой поперечных морщин на открытом лбу и двумя седыми волосками на правом виске – мелочь, которая ни-

чуть не портила его роскошной шевелюры. Такому буйному ивняку каштановых волос позавидовал бы любой сверстник Марка. Мой отец к возрасту Ричарда Клейтона давно растерял половину «имущества» на макушке, и никакие богатства не смогли бы их вернуть.

Широкие плечи не скрывала грубая ткань пиджака, а в расстёгнутом на одну пуговку воротнике чёрной рубашки проглядывалась могучая шея. Статный, импозантный и благородный, Ричард Клейтон поднялся, как подобает джентльмену, когда я подошла к столику. Манеры высших сословий, от которых тот был призрачно далёк, как и я.

Стыдливое любопытство направило мой взгляд на фалангу его безымянного пальца – пусто. Ни золотого ободка, знаменовавшего его супружество. Ни бледного отпечатка, свидетельствующего о недавнем разводе. За те полгода, что мы не видели друг друга, могло случиться всякое. Но свободный палец не означает свободное сердце. И у такого мужчины определённо кто-то должен быть рядом.

Но сейчас рядом с Ричардом Клейтоном ни портфеля, ни папки, ни документов. Значит, он ничего не нашёл…

– Ричард, добрый день.

– Сара, как я рад вас видеть.

Даже хостес задержалась у столика, шмыгнув по Ричарду взглядом, полным очарования. А, между прочим, она лет на пять моложе и раз в десять шикарнее меня! Ещё парочка женщин в радиусе десяти метров с достоинством оцени-

ли статную фигуру незнакомца, пока тот выдвигал для меня стул.

– Спасибо. – Только настоящая мужская обходительность могла меня смутить. – И извините за опоздание.

– Не извиняйтесь. – Две обворожительные ямочки прорезали точёные скулы собеседника, когда он уселся напротив и сложил пальцы домиком. – Я знаю, вы сейчас вовсю готовитесь к свадьбе. – Он кашлянул, будто постеснявшись такой фамильярности. Джентльмен до мозга костей.

Мама наверняка успела нащебетать всем и каждому о помолвке и предстоящем бракосочетании. Едва мы с Марком появились на пороге семейного особняка в Хэмпдене, как она уже набирала номер глянцевых журналов «Би Вумен», «Дэйли Лайф» и периодики посерьёзней, вроде «Бизнесс Джорнал» и её несравненной и обожаемой «Балтимор Сан».

На следующее же утро, не успела я выпить кофе и откусить кусочек хрустящего круассана в любимой кофейне «Блэр» через дорогу, как меня стали узнавать праздные любители кофе, на меня посыпались сообщения с поздравлениями от знакомых, партнёров отца и псевдоподруг, с которыми я водила дружбу сугубо по настоянию матери. Из одного ведь теста слеплены, что на её языке означало – мы вращались в одних кругах. Мама и Ричарду уже наплела о предстоящем событии, или же тот почерпнул новости из газет. В любом случае, отчего-то мне не хотелось, чтобы он знал.

Хостес так и не покинула нас и протянула меню, всё это

время глядя лишь на моего спутника и едва ли удостаивая меня вниманием. Мне всё равно, но что за наглость! Мама бы давно уже вздёрнула свой и без того торчащий носик ещё больше и поставила девушку на место. Но я рада, что я не мама.

Когда пятизвёздочная девушка всё же оставила нас одних, позволив наконец выбрать что-то из представленных блюд, я с лукавой усмешкой исподтишка стала наблюдать за Ричардом. Его глаза цвета выдержанного виски замельтешили по картонке, а губы сложились гармошкой и выпустили пару вздохов.

– Не можете выбрать? – Подстегнула я его, даже не взглянув ни на одно название.

– Признаться честно, – он опрокинул картонку на стол и слегка подался вперёд, точно делился самым сокровенным секретом. – Я слишком прост для места, вроде этого.

Я не могла не улыбнуться такой откровенности. По мне же это *место* было слишком простым для мужчины, вроде Ричарда Клейтона.

– Я не привык ходить по таким заведениям, и обычно миссис Лодердейл сама делала заказ. – Признался он. – Может, вы спасёте меня?

– Буду только рада. – Улыбнулась я и встала. – Идёмте.

– Куда это?

– Разве принято задавать вопросы, когда их спасают? – Пошутила я.

К превеликому неудовольствию всех присутствующих в «Эль Сальвадоре» женщин и премилой хостес, которая с удивлением глядела нам в след, я вышла из ресторана. Мы пересекли улицу и остановились у дымящегося вагончика, который исходился запахами, достойными пяти звёзд, но уже по моим меркам.

Повар в потрёпанном переднике колдовал над заказом для парочки весёлых подростков. Я тут же позавидовала их беспечности, ведь забыла о ней давным-давно. В тот самый миг, как мой брат вышел из ворот школы и больше не пришёл домой. Как его неделями искали по всему городу и за его пределами, но так и не нашли. Как мои родители теряли самих себя и забывались каждый в своём. И теперь я оттягивала момент, когда этот человек расскажет мне то, для чего вообще была назначена встреча. И спасти от этого меня было некому.

– Что ж, выбирайте. – Улыбнулась я, кивая на фургончик. – Надеюсь, здешнее меню вам больше по душе.

– Не думал, что вы любительница хот-догов. – Хмыкнул Ричард и заказал себе хот-дог «По-кливендски», а я «По-итальянски». Маленькая дань итальянской кухне, которую променяла на эту забегаловку.

– Я не такая, как моя мать. – Зачем-то созналась я, глядя, как повар мастерски управляется с баночками соусов. – Весь этот шик не по мне. Вы сказали, что слишком просты для места, вроде этого. – Я кивнула в сторону «Эль Сальва-

дора». – Так вот, вы говорили за нас обоих.

Мне показалось, что в глазах Ричарда блеснуло что-то смешливое, и он тут же помолодел на эти пятнадцать лет и стал тем офицером Ричардом Клейтоном, что впервые вошёл в наш дом, чтобы расследовать исчезновение брата.

Получив свои заветные хот-доги, мы примостились на скамейке в преддверии парка Честервуд, но к еде так и не притронулись.

– Вы узнали что-нибудь? – Осмелилась спросить я, глядя, как горчица пропитывает бумагу под пышной булочкой.

Ричард помедлил и сказал:

– Сара, мы встречаемся с вашей матерью каждый месяц на протяжении пятнадцати лет. Она всё ещё надеется, что в один прекрасный день Джонатан вернётся домой. Но я скажу вам то, что не осмеливаюсь сказать ей.

Я задержала дыхание, готовясь услышать правду, хотя и так её знала.

– Я обещал вашей матери не прекращать поиски, не оставлять попыток найти вашего брата, и я пятнадцать лет держу своё слово. Но… – Он посмотрел мне в самую душу, топя в своих глазах, как в бочке с односолодовым виски. – Не стоит ей питать ложных иллюзий. Прошло слишком много времени. Вашего брата искали лучшие полицейские Балтимора, и продолжает искать ваш преданный друг, но… Его не найти. Вашей маме нужно смириться с тем, что он никогда не вернётся домой.

Как только приговор прозвучал, я всё же пустила спасительный кислород в лёгкие. Он обжёг изнутри, хотя сентябрь не щадил и давно подкручивал градусы на уменьшение.

– Извините за прямоту.

– Вам не за что извиняться. Как я говорила, я не мама. И, как бы я ни скорбела по брату, как бы ни хотела его возвращения, я давно смирилась с тем, что он ушёл навсегда. Почти смирилась. Но маме это нужно… – Холод пробирался под пальто, но руки грел пылающий хот-дог в обёртке. – Ваши встречи раз в месяц… Может, вы считаете их глупыми, но иногда мне кажется, что только они и держат маму наплаву.

Раз в месяц, когда ожидание становится нестерпимым, когда иллюзии начинают рассеиваться миражем в пустыне, мама увядает. Как нарциссы, что она так любит, но которым неделю не меняют воду. Вирджиния Лодердейл начинает терять тот образ, что годами выстраивала по кирпичику, по камушку. Скидывает *платье*, обнажается и становится всё больше похожей на маму. Ту маму, что я знала пятнадцать лет назад.

Её сердце будто оттаивает и вспоминает то, какой она была, когда Джонатан не пропадал. Я любила и ненавидела эти перевоплощения, потому что *эта* мама не кичилась своим положением в обществе, добрела к Констанс и обслуживающему персоналу, не ставила себя выше других. Но в то же время, горе накатывало на неё цунами, сгибало плечи и прижимало к земле. Тогда-то она и бежала на встречу с Ричар-

дом Клейтономном, чтобы разузнать о своём любимом маленьком мальчике, что давно вырос или давно покоился в земле.

Глупо и непростительно. Мама бы обязательно осадила мой азарт, но порой душа раскрывается куда как охотнее перед кем-то непривычным, далёким, чужим. Хотя Ричард Клейтон никогда таким не был – нас не связывали правила поведения балтиморского бомонда, но связывала семейная тайна, которую он ни за что бы ни раскрыл. Верный солдатик Лодердейлов во всей красе.

– Мама может казаться жёсткой проволокой, но со временем страдания по моему брату гнут её, скручивают в спираль. – Я продолжала отвечать откровением на откровение. – И тогда она берёт телефон и звонит вам в надежде, что вы облегчите эти страдания. Найдёте доказательства того, что мой брат жив. Она цепляется за эту надежду.

– Но я ни разу не принёс ей хороших вестей. – Мрачно покачал головой Ричард.

– Но не принесли и плохих. И пока не доказано, что Джонатан… мёртв, она находит повод вставать по утрам. – Я повернулась к Ричарду и благодарно блеснула глазами. – Вы не опускаете руки, как и она. Вы единственный, кто остаётся верен не только ей, но и моему брату, поэтому она так ценит ваши встречи.

– А как же мистер Лодердейл? Я думал…

– Отец давно перелистнул эту страницу. Если бы он за-

стрял в прошлом, как и мама, вряд ли бы он сумел достигнуть такого успеха. Он находит утешение в делах, мама – в ваших встречах.

Я вздохнула и покачала головой. Хот-дог остывал на прохладном воздухе осеннего парка, а мы так и не откусили ни кусочка.

– Даже не знаю, что лучше. Заставить её отпустить всё это или попросить вас копать и дальше.

– Я буду копать. – Заверил меня Ричард и чуть дёрнул рукой в мою сторону. Словно хотел коснуться, но передумал. – Кто знает, может, если бы о тех, кто исчезает, заботились и вполсилы так же, как ваша мать о Джонатане, у них было бы больше шансов найтись. Но по личному опыту скажу… через пятнадцать лет нет никакой надежды, что я что-то отыщу.

– Спасибо за честность, Ричард. И я согласна с вами, но мама не согласится, пока не услышит смертный приговор.

Я встряхнула головой, прогоняя мрачность, что укутала нас обоих ничуть не согревающим одеялом. Мы позволили себе лишнего. Слишком откровенно, слишком лично. Поэтому я поставила в этих исповедях жирную точку.

– Почему вы не едите? Совсем остынет. Давайте пообедаем, как хотела моя мама, и вы расскажете то, что удалось найти в этом месяце. Я ведь должна буду предоставить ей полный отчёт. И если что… – Я заговорщически склонилась к Ричарду и понизила тон. – Мы обедали в «Эль Сальвадо-

ре», ели баклажаны пармиджано и флорентийский стейк.

Даже в обволакивающем аромате горчицы и румяных сосисок до меня долетел аромат Ричарда. Терпкий, как итальянское вино. С нотками дуба и цитруса. Я тут же отстранилась, чтобы не опьянеть от него, а Ричард добродушно засмеялся и согласился поддержать наш маленький обман. Первыми укусами мы наслаждались молча, глядя на прохожих, что беспечно проводили часы четверга в парке Честервуд. Такие же счастливчики, как и мы, которым не нужно спешить в удушающие стены офисов. В этом молчании не сквозило ни капли неловкости, но я всё же нарушила тишину:

– Так что вам удалось узнать?

– Ничего. – Ричард одним словом подытожил труды последних пятнадцати лет. – Но вашу маму такой ответ не устроит, поэтому я расскажу не то, что узнал, а что делал, чтобы это узнать.

Мою маму вообще мало что устраивало, поэтому я одобрительно кивнула.

– Некоторые детали могут вас… огорчить или напугать…

– Ничего, я была готова ко всему, когда шла с вами на встречу.

– Хорошо. Потому что я десять раз ездил в морг и…

– Морг? – А может, и не ко всему.

– Да. С некоторыми экспертами у меня остались хорошие отношения ещё со времён службы. С ними работают связи, с другими – деньги. Когда неизвестный мужчина попадает

в морг, мне сразу же звонят, и я выезжаю на опознание. Конечно, я не могу знать наверняка, ведь пятнадцать лет прошло… Но некоторые признаки не стираются даже с годами. У вашего брата был шрам на правой брови.

– Неудачно упал с велосипеда.

– И ожог на груди.

– Вывернул на себя кастрюлю с кипящей водой. Джонатан всегда был неуклюжим…

Ричард кивнул. Конечно, он всё это знал от мамы.

– Так что первым делом я осматриваю тело на наличие шрама и ожога. Конечно, я принимаю во внимание, что за эти годы он мог бы обратиться к пластическому хирургу и удалить несовершенства. Поэтому после того, как удаётся исключить их наличие, я сравниваю внешность, учитываю все нюансы, которые могли бы измениться за пятнадцать лет. Он мог слишком вытянуться или располнеть, нарастить мышечную массу, перекрасить волосы или отрастить бороду.

Я живо представила, каким бы был мой брат, когда стал мужчиной. Красивым, как мама. Чуть лопоухим, как отец. И во рту появился горчичный привкус, хотя хот-дог давно закончился.

– И даже после осмотра тела я стараюсь восстановить по частицам жизнь погибшего, чтобы связать или же оборвать все связи с вашим братом. Пытаюсь докопаться до прошлого, выяснить детали биографии. Чаще всего находятся родственники или знакомые неопознанных погибших, и подо-

зрения отпадают сами собой. Как бы кощунственно это не прозвучало, но Джонатан помогает раскрыть много других дел.

Всё же мой брат оставил после себя след, пусть и канул в неизвестность.

– Помимо этого, я всё ещё работаю с версией о похищении. Изучаю схожие случаи за последние пятнадцать лет не только здесь, в Балтиморе, но и в других штатах. Несмотря на то, что требования о выкупе так и не поступили, мне всегда казалось, что в *этом* кроется правда. Может, что-то пошло не так у похитителей, потому они не обратились к вашим родителям с вымогательством крупной суммы, но других разумных причин я не вижу.

– И тоже ничего?

Молчание гремит громче любого согласия.

– После изучения всего этого, я продолжаю искать ниточки к вашему брату, но если они и были, их давно обрезали. Я иду по горячим следам за Марией Веракрус, разыскиваю её по всем штатам. Разве что её родных уже давно оставил в покое, чтобы не бередить старые раны. Проверяю счета и ищу то, что мог упустить за столько лет. Не могла же взрослая женщина просто так исчезнуть вместе с мальчиком.

– Думаете, она была замешана?

– У меня много мыслей, и они наслаиваются друг на друга, как громоздкий торт. С Марией Веракрус ещё сложнее, потому что я так и не решил, куда её записать. В графу жертв

вместе с вашим братом, или в графу подозреваемых.

– Я хорошо её помню. – Сказала я, обращаясь к глубинам памяти. – Более светлого человека в моём детстве и отыскать сложно. Она проводила с нами всё свободное время, пока папа сколачивал состояние, а мама занималась своими важными делами и встречами. Вы, как сыщик, вправе подозревать её, но я, как двенадцатилетняя девочка, уверена в её невиновности.

– Знали бы вы, сколько преступлений совершают такие вот добрые и порядочные люди.

– И знать не хочу. – Совсем беззлобно отозвалась я. – О некоторых вещах лучше не знать вовсе.

– Я, как сыщик, – подхватил Ричард. – Полностью с вами согласен.

– Что ж, думаю, это хоть немного оживит маму.

– Ей сейчас тяжело. – Предположил Ричард и забрал обёртку от хот-дога, что я всё ещё теребила в руках, и отправил в мусорку вместе со своей. – Сегодня ровно пятнадцать лет.

– Да, потому я и пришла на встречу с вами вместо неё. – Похоже, мои откровения ещё не закончились. – Каждый год пятнадцатого сентября она погружается в спячку горя, которая затягивается на несколько дней. Надеюсь, ваши новости или их отсутствие помогут ей поскорее очнуться.

– Мне очень жаль, Сара. Вашу семью, вашего брата, вашу мать. – Он внимательно вглядывался в моё лицо, словно ис-

кал что-то, но никак не мог найти. – Вас.

– Я оправилась от этой потери.

– Вы так говорите всем, потому что верите в это или потому что так принято?

А Ричард Клейтон и правда гордо носил звание отменного сыщика. Если бы ни его нюх, интуиция и преданность – людям, не меньше, чем делу – он бы не уловил моих внутренних переживаний. Он бы не ушёл из полиции и не начал собственное дело, что в своё время спонсировал мой отец. И даже в своём любопытстве он оставался галантен.

– О чём вы?

– О том, что вы заботитесь о чувствах матери, но кто заботится о ваших? – Ветер холодом обласкал лицо, но мне стало жарко. Я вспомнила слова Оливии о том, что этот мужчина не ровно ко мне дышит, и готова была поверить, пока Ричард не сказал: – Верно, я забыл. Ваш жених.

Мне отчаянно захотелось проболтать с Ричардом остаток дня, но эти мысли острой спицей вонзились мне в спину и заставили резко подняться.

– Спасибо вам, Ричард. За работу и за вашу искренность. Думаю, мама будет довольна. Насчёт оплаты…

– Не обижайте меня, Сара. – Строго приказал он. – Ваш отец высылает мне чек заранее.

Ну конечно! Роджер Лодердейл всегда платил по счетам. Особенно тем, кто хранил ему верность. А Ричард Клейтон возглавлял бы список верных ему подданных.

Я запахнулась в пальто и пошла своей дорогой, пока глаза Ричарда смотрели мне в след.

Глава 3

Все дома на Гранд-Вью авеню в Хэмпдене соревновались с летним домиком самой королевской четы. Выдержанные в старых традициях особняки подбоченились колоннами и террасами, походившими на бельэтажи в театре Метрополитен в Нью-Йорке. Величаво укрывшись за высокими вратами и цепочками бересклета, одним своим видом они говорили, что войти в их помпезность имеют право лишь избранные.

Скроенные на современный лад коттеджи сплошь из стекла и дерева были не столь претензионны, но не менее хвастливы. Угловатые крыши и ассиметричные формы выдумывались ради того, чтобы похвастаться деньгами, сокрытыми внутри. Никто не хотел проиграть это негласное соревнование – чей дом богаче, кто из хозяев влиятельнее.

Лодердейлы вступили в эту гонку сорок лет назад и не желали выходить из неё проигравшими. Наш семейный особняк громоздился в самом тупике Гранд-Вью авеню и замыкал цепочку хвастунов треугольными настилами черепицы, арочными сводами окон с фронтонами и длинной подъездной аллей отборного камня. Зная вкусы своей матери и угодливый характер отца, который во всём потакал своей супруге, я удивилась, как это она не приказала отстроить двуглавую королевскую лестницу к крыльцу. Могла бы поспорить, что Вирджиния Лодердейл выносила такое предложение ди-

зайнеру, но тот обошёлся классической лестницей в пять ступеней.

Таксист устроил мне неспешный парад элегантных экстерьеров и медленно прокатил по аллее особняков Хэмпдена, словно боялся превысить скорость и побеспокоить молчаливый темперамент здешних богачей. Мы проехали резиденцию МакКалистеров, ректора университета Джона Хопкинса и его супруги. «Дворец» Уолтера Монтерея, владельца судостроительной компании. Особняк Томаса Голда, основавшего лучшую ритейловую фирму Балтимора «Голд и сыновья». И ещё с десяток величественных домов не менее величественных особ.

Простенький седан, что вёз меня по совсем не простенькой улице Хэмпдена, поспешно высадил меня у ворот семейного дома, словно хотел поскорее убраться из этой обители роскоши назад, в реальный мир. Войдя в передний двор Лодердейлов, я не удивилась винегрету отборных кустовых роз, что цвели даже в сентябре, но удивилась, что папина машина стояла у крыльца. Обычно отец выезжал из дома ни свет ни заря и возвращался в преддверии сумерек, а порой и за полночь. Издержки больших денег – кому-то надо постоянно их зарабатывать.

Но сегодня не простой день и присутствие папиного «майбаха» в уютной обстановке дома лишний раз об этом напоминало. Годовщина исчезновения Джонатана тяжёлой вуалью ложилась на каждого из нас, и даже всегда собранный,

бесчувственный в бизнесе отец поддавался эмоциям. Если мама каждый год пятнадцатого сентября укладывалась в постель и не выходила минимум три дня, то папа отменял все встречи, оставлял дела на заместителей и вёз свои чувства в родной дом. В таком настроении за мамой нужен был глаз да глаз, а Констанс не отличалась орлиным зрением.

Я поднялась по ступеням и открыла дверь своим ключом, пропустив вперёд стыд. У некоторых балтиморцев не было дома, а у меня целых три. Изящный особняк в Хэмпдене, модная квартира в Грейсленд Парке и временное прибежище в не менее модной берлоге Марка. И никакое участие мамы в благотворительности не окупало того факта, что Лодердейлы вытянули счастливый билет, тогда как большая часть города потратилась на билет и проигралась.

Роджер Лодердейл, инвестиционный банкир и миллионер в первом поколении, любимчик публики и заядлый гость бизнес-раздела местных газет, любил деньги чуть ли не сильнее собственной семьи. Он не счастливый потомок богачей и не выходец высокопарных сословий. На его роду не нарисованы значки долларов, а путь его не пролегал по красным ковровым дорожкам, что раскидывают к ногам жадных до богатств потомков.

Роджер Лодердейл прокладывал свою дорожку сам и никогда не шёл по головам, хотя едва ли перед ним расступались. Его называли «набобом» и «нуворишем», королём финансов и просто везунчиком. Они с мамой жили в одноком-

натной квартирке в Бруклин Парке, которая ходила ходуном от мчащихся мимо поездов. Там не витал шлейф французского парфюма и чай не звенел о хрупкие стенки китайского фарфора. Не верится, но когда-то Лодердейлы жили по ту сторону Хэмпдена, за чертой достатка и на границе бедности.

Пока отец не закончил бизнес-школу при университете Хопкинса – того самого, которым теперь заведовал мистер МакКалистер, обосновавшийся по соседству. Их жизнь круто переменилась, когда Роджер Лодердейл получил пять отказов о найме в местных банках, после чего блеснул смекалкой перед директором «Сан Траст» и за первые же полгода привлёк трёх крупных клиентов Балтимора в копилку компании.

За считанные месяцы отец получил повышение до финансового аналитика, и стал ценным активом для фирмы, но сидеть на среднячковой должности, пусть и с обещанными перспективами он не хотел. Против него выступали большие шишки в широких галстуках и с набитыми финансами портфелями, но у Роджера Лодердейла хранилось оружие помощнее. Двустволка – его интеллект и жажда выбиться в люди. Не пахать по девяносто часов в неделю на идиотов с раздутыми банковскими счетами и самомнением, а стать хозяином своей жизни.

О подающем надежды финансисте «Сан Траст» поползли слухи и за спиной у босса папу стали переманивать в другие

места. Он подписал контракт на пять лет с «Беркшир Уоллет», после чего отправился в свободное плавание, но пока только в роли штурмана. На капитанском мостике же стоял Дункан Деневенпорт, миллионер в третьем поколении, который хотел создать свою компанию с нуля, завоевать финансовый сектор и предложил моему тогда ещё зелёному, но перспективном отцу занять место у руля. Девенпорт вкладывал в предприятие деньги, мой отец – свой ум, а покорить мир финансов лишь с одним из двух качеств никак нельзя.

И через десять лет упорного труда, пока мама отрабатывала дневные часы секретарём в юридической консультации, что работали pro bono, а в вечерние ждала мужа домой, Роджер Лодердейл сделал невозможное. Пробился на самый верх, заработал свой первый, а потом второй, десятый и двадцатый миллион. Вошёл в совет директоров, заключил сотни удачных сделок и навсегда впечатал своё имя в историю Балтимора и в головы деловой верхушки общества.

За пару лет до моего рождения родители переехали из трясущейся квартирки в Бруклин Парке в Хэмпден. В этот самый особняк, который встретил меня теперь эхом мраморных плит.

Уже много лет я не жила в этом аббатстве торжественности и заглядывала пару раз в неделю на чай, душевные беседы и материнскую нежность. Хотя мамина нежность давно перевоплотилась в мишуру, душевные беседы – в светские сплетни, а чай перестал быть просто чаем, что мы с Джона-

таном любили пить в детстве. Вместо пакетиков – отборные листья с чайных плантаций у подножья Гималаев и провинции Фуцзянь. Там растёт самый дорогой чай в мире – «да хун пао», который мама нахваливает, но больше за то, сколько выложила за него у поставщика, а не за истинный вкус. Я бы лучше заварила пакетик «Бигелоу» с апельсином, хотя и вовсе предпочитаю кофе.

Я вошла, как незваная гостья, нарушая всеобщие традиции этого мира. К маме заглядывало много светских дам под надуманными предлогами. Собрать пожертвования в местный фонд «Белые ангелы», обсудить новые проекты мужей или созвать собрание книжного клуба, хотя всё сводилось к перемыванию косточек «первой леди» Балтимора – супруге мэра, обсуждению последних коллекций французских кутюрье и бахвальству новым покупкам за немыслимые суммы.

Когда-то этот дом заманивал уютом простой мебели и ароматом домашней еды. Как только я вошла, меня тут же сразил наповал блеск дорогой безвкусицы и запах очередного шедеврального блюда, о названии которого мне пришлось лишь догадываться. Меня не встретили с почестями долгожданной гостьи. Где-то в глубине дома слышался телевизор – папа любил включать фоном новостные каналы и разгребать рабочие завалы, хотя давно уехал из офиса. Мама не выплыла навстречу в дизайнерском кардигане и светлых брючках, которые бы не осмелилась носить дома ни одна среднестатистическая хозяйка. Даже Констанс не вышла поприве-

ствовать дочь своей сварливой и требовательной хозяйки.

Каждый год пятнадцатого сентября привычный уклад дома Лодердейлов летел к чертям.

Я нашла отца там, где и надеялась. Роджер Лодердейл пусть и растерял часть волос, потрескался морщинами и округлился в районе ремня, он всё ещё казался мне медведем в костюме-тройке и золотых запонках. Атлетичный и представительный, ладно скроенный, как его итальянский пиджак, он всё же казался хрупкой чашкой за своим огромным резным столом. В полумраке кабинета, что занимал площадь трети моей квартиры в Грейсленд Парке, папа утонул в бумажках, звуках репортажей и алкогольных испарений из бокала, что примостился в пределах досягаемости его руки.

– Пап. – Негромко позвала я, чтобы не испугать его.

Подбородок тут же взметнулся вверх, глаза оторвались от записей и одарили меня светом настоящей любви. Сосредоточенная колея между бровями разгладилась радостью от встречи.

– Сара! Девочка моя. – Если что и могло заставить отца забыть о работе, так это семья. Он тут же встал, покинул свой трон и поцеловал меня в щёку. Не как мама – картинно и пафосно. А нежно, с отеческим трепетом и искренним восторгом. – Не знал, что ты зайдёшь.

– Как я могла не зайти. Сегодня ведь…

– Да, знаю. Потому сам работаю из дома, чтобы быть по-

ближе к твоей маме.

За сорок пять лет совместной жизни мои родители пережили и бедность, и стремительное богатство, и сплетни, и битвы, и исчезновение любимого сына, но любовь к друг другу не пережили. Она всё ещё жила в их сердцах и напоминала о себе такими вот маленькими проявлениями заботы.

– Как она? – Спросила я, хотя ответ из года в год оставался неизменным.

– В спальне. – Вздохнул отец и выключил телевизор. – Не вышла даже к обеду. Констанс едва её не кормила супом с ложечки. Мама будет рада, что ты пришла. Зайдёшь к ней?

– Конечно. А позже, может, выпьем вместе кофе и поболтаем?

– Со сливками и корицей? – Улыбнулся мне отец и чмокнул в щёку ещё раз.

В силу положения своей семьи я встречала много успешных мужчин. Все они были умны и амбициозны, но каждый глубоко заблуждался в одной вещи. Они проявляли силу всегда и во всём, потому что мягкость для них символизировала слабость. Но по мне, сила мужчины как раз-таки в том, чтобы быть мягким с теми, кого любишь. Любовь – не слабость. Это сила, тараном сворачивающая горы. Мой отец это знал и пользовался знанием по полной. Семья, то, что от неё осталось, а это мы с мамой, никогда не были слабостью Роджера Лодердейла. Он никогда не боялся показаться мягким с нами, ведь мы делали его сильней.

Эту черту в отце я обожала больше других. Его смелость и честолюбие заработали миллионы, а доброта и нежность – мою любовь. И второе куда как важнее, ведь, в конце концов, остаётся лишь любовь, не деньги.

Родительская спальня затерялась в дальнем углу второго этажа. Вела к ней лестница, всю стену которой в кои-то веки заполоняли ни непонятные и переоценённые полотна именитых живописцев, а семейная галерея. Целый музей из фотографий прошлого. После исчезновения Джонатана мы мало фотографировались. Я медленно переставляла ноги по ступеням, взбираясь всё выше и выше наверх, всё дальше и дальше в прошлое. Мой выпускной в школе, в университете, открытие моего магазина, прошлое Рождество, где полно чужаков и мало искренности.

Столько воспоминаний. Я замерла у своего любимого. Мы с Джонатаном стоим на заднем дворе спустя год после переезда в Хэмпден. Улыбки до ушей, моя – кривоватая, которую только начали совершенствовать брекеты. И Джонатана. Задорная, смешливая, без двух передних зубов. Мы стоим в обнимку с двумя рожками мороженого, таящего на палящем солнце июня. Ванильные шарики стекают по пальцам. Белёсое пятно красуется на маечке брата. Тогда ещё мама сильнее заботилась о нашем счастье, не о внешнем виде и мнении окружающих, потому попала в кадр смеющейся на заднем плане. Сейчас бы она не смеялась, а наказала пойти и умыться, привести себя в подобающий вид.

На втором этаже обитала тишина, лишь папина возня на кухне оживляла мёртвые стены. Я пришла в самый конец коридора и тихо проскользнула в полуприкрытую дверь, не желая беспокоить маму, если она забылась дрёмой.

Но нет. Мама не спала, натянув одеяло так, чтобы не видеть белого света. Она сидела в огромной кровати – песчинка на бесконечном пляже. Она бы смотрелась по-королевски в этом объятии двух подушек и шуршащей перины, если бы не казалась слишком крошечной.

Всю кровать захламляли альбомы с фотографиями. Семейный архив, что так редко покидал дальние полки гостиной. Мама боялась их как огня – словно те были искрами. Черкнёшь рукой по переплёту и разразится пожар. Но сегодня мама решила устроить настоящее пожарище в своей душе, заглянув на пятнадцать лет назад, когда её сердце ещё не разбилось вдребезги.

Я ожидала увидеть иссушенную страданиями незнакомку с растрёпанной копной карамельных волос. С кожей, цвету которой в каталогах Бри не найдётся названия. С припухлостями на щеках от слёз и трения о подушку. Но мама блестела свежей росинкой на траве – ни единого признака душевных мук. Похоже, иногда счастливые воспоминания, заключённые в картонные прямоугольники снимков, возвращают нас к жизни.

– Мам. – Позвала я и присела на краешек кровати, свободный от воспоминаний и огня. – Ты прекрасно выглядишь.

– Спасибо, милая. Вот, решила предаться воспоминаниям. – Не глядя на меня, ответила мама чистым голосом, без всхлипов, без скорбной хриплости или привычного высокомерия.

Она как раз разглядывала фотографию Джонатана в маленьком, детском фраке, играющего на пианино. Родители так радовались таланту сына, что купили ему громадный инструмент и запихнули в отдельную комнатку, где брат мог бы репетировать и сводить меня с ума своей нескладной игрой. Но я недооценивала братишку. Через пару месяцев он заиграл, как юный Бетховен – ну, по крайней мере, такую версию твердила моя мама. Но сам он стеснялся своего увлечения, ведь все его друзья гоняли мяч или отрабатывали удары в карате, пока он искусно перебирал клавиши.

В отличие от Джонатана, я не обладала ни слухом, ни любовью к музыке – попсовые плейлисты в плейере не в счёт, ведь все девчонки в том возрасте слушали «Пуссикэт Доллс» или Кристину Агиллеру. Так что моё имя звучало куда как реже в этих хвастливых беседах мамы и её подруг.

– Он тут такой серьёзный. – Улыбнулась мама, и маленькая слезинка всё же закралась в уголок её глаза. Я стала свидетельницей неведанного феномена – Вирджиния Лодердейл пускала слёзы, не боясь при этом подпортить безупречный макияж.

– Он всегда становился серьёзным и сосредоточенным, когда садился за пианино. – Подхватила я, протягивая руку

к фотоснимку. – А в остальное время был самым весёлым мальчиком на свете.

– Ты виделась с Ричардом?

Мама умела испортить душевный момент резкой репликой или неуместным замечанием. Наверняка она пустила в ход всё своё терпение, чтобы не спросить о встрече, едва услышала, как я вошла.

– Виделась, мама. Но, боюсь, я не смогу ничем тебя утешить. Ричард не смог ничего обнаружить.

– Как всегда. – Тяжело вздохнула мама, откинувшись на подушки и прикрыв глаза. Надежда покинула её тело. – Как последние пятнадцать лет.

Я примостилась рядом, зная, что сегодня мама не станет журить меня, как маленькую девочку, за то, что я забралась на постель в уличной одежде. Или что я изомну брюки и посрамлю весь род Лодердейлов, каждый представитель которого не смел выходить из дома, не припудрившись, не уложив волосы, не натянув гордую улыбку.

Мой краткий пересказ и близко не передавал тех усилий, что Ричард Клейтон предпринимал ради нашей семьи. Но маме важно было услышать, что хоть кто-то не сдаётся, как когда-то полиция Хэмпдена, и борется за её сына.

– Он очень старается, мам. – Встала я на защиту Ричарда. – Он такую работу проделывает каждый месяц. Такое ощущение, что он работает только над поисками Джонатана. А ведь у него ещё столько дел. Столько людей, кому он хочет

помочь.

– Мы с отцом платим ему огромные деньги. – Резковато возразила мама, снова леденея в бесчувственную фигуру. – И не забывай, благодаря кому Ричард Клейтон стал тем, кем стал. Если бы не мы с отцом, он бы и дальше прозябал в городской полиции и дослужился бы максимум до капитана. Он нам обязан.

Меня укололи слова матери. Острые, несправедливые. Когда мама превратилась в одну из тех женщин, которые думают, что им все обязаны? Которые считают себя выше других, только потому, что на их счетах лежат миллионы, а не долги. В любой другой день я бы вступилась за Ричарда, затеяла жаркий спор, что сжёг бы нас обеих дотла, но не сегодня.

В моём молчании мама всё же различила протест и обиду, потому смягчилась, как масло, подтаявшее на медленном огне.

– Не вини меня за эти слова, Сара. Я уважаю Ричарда и ценю всё, что он сделал и делает для нас. Но не думай, что я брошу моего мальчика. Пока мне не покажут свидетельство о его смерти, пока я не увижу его… тело, я буду мучить Ричарда или любого другого детектива, лишь бы поиски продолжались. Я не забыла Джонатана, как ты…

К нападкам матери я привыкла с рождения. Первый ребёнок четы Лодердейлов, да к тому же девочка, я всё время слышала упрёки и критику обо всём, что делала. Что слиш-

ком много ем мороженого, а девочке не подобает быть толстой. Что слишком много ношусь с мальчишками на заднем дворе, а девочкам нельзя вести себя, как дикарке. Что мои волосы недостаточно блестящие. Что мои цели слишком приземлённые. Что мои парни слишком несостоятельны.

Но это… Говорить о том, что я забыла брата. Что выкинула его из своего сердца. Ей бы лучше пырнуть меня ножом под ребро, чем заявлять подобное.

– Я никогда не забуду Джонатана, мама. – С горечью, но одновременно со всей своей выдержкой заявила я, взяв в руку фотографию с пианино. – Есть разница между тем, чтобы отпустить кого-то и забыть. Я отпустила его, но никогда не забуду и твои слова…

Я не успела договорить, меня прервал звонок в дверь. Оно и к лучшему. Что бы за незваный гость не явился к нам на порог, он спас этот дом от вспыхнувшей ссоры, потому что сказать мне хотелось многое. За все те годы, когда я была недостаточно хороша для своей мамы. Тяжело тягаться с братом, который пропал без вести.

– Ладно, извини, Сара. – Отстранённо произнесла мама, но всё же сжала мою руку. Проявление нежности, которого мне не хватало уже пятнадцать лет. – Я наговорила лишнего, потому что в отчаянии. Ну ладно, – она похлопала меня по руке и сменила маску на отточенную годами улыбку. – Расскажи лучше про платье.

Если что-то и могло отвлечь Вирджинию Лодердейл от пе-

чали по сыну, то это подготовка к свадьбе единственной дочери, которая станет самым знаменательным событием следующего месяца. Глаза её заблестели, но уже не от слёз, а от предвкушения вспышек фотокамер, звона хрусталя и оваций публики. Я ошибочно полагала, что невеста и любовь новобрачных – кульминация торжества, но для мамы – имя Лодердейлов, что прославится ещё громче.

Не успела я описать фасон платья и изящество кружева, как Констанс неуверенно просунула голову в спальню.

– Миссис Лодердейл, прошу прощения… Но к вам пришли.

Тонкие губы, что никогда не встречались с помадой, сжались в плотную линию. За бесцветными ресницами заблестел испуг, но я так и не поняла, что его вызвало. В своём строгом платье и со стянутым узлом волос Констанс являла собой единственный отголосок простоты, эхом отлетающий от напыщенного убранства дома.

– Ко мне? – Изумилась мама и тут же сомкнула брови. – Я не принимаю гостей. И просила, чтобы никто меня не беспокоил. Отошли их куда подальше.

Взмах руки ещё больше встревожил Констанс, которая неуверенно застыла в дверях, боясь нарушить указание строптивой хозяйки. Я сотни раз слышала, как мама срывается на женщине, оправдывая свою ершистость тем, что они с отцом платят солидное жалование домработнице. Но для меня подобные оправдания не имели никакого значения. И,

опасаясь, как бы и без того расстроенная мама не принялась вымещать своё горе на Констанс, быстро сползла с постели и вывела её за пределы маминого поля зрения.

– Простите, Констанс, но мама не в духе. Не думаю, что она сейчас может с кем-то встретиться.

– Я понимаю, мисс Лодердейл.

Сколько раз я просила называть меня Сарой! После пропажи нашей первой помощницы и няни, мисс Веракрус, Констанс появилась в нашем доме и годами служила верой и правдой. Она знала меня с двенадцати лет и смогла бы рассказать обо мне больше, чем родные родители. С какой начинкой я люблю пироги. В какого мальчика влюбилась в выпускном классе. В какой шуфляде прятала дневник с сокровенными мечтами.

Именно Констанс смазывала мои коленки и дула на них, чтобы не болело, когда я неуклюже падала у балетного станка. Мне не нравилось крутиться на носочках, стирая пальцы в мозоли, и, к неудовольствию матери, этот вид искусства никак мне не давался, а она отправила меня в балетную школу, потому что дочери всех знакомых Лодердейлов из высшего света обязательно ходили в какую-нибудь студию изящного мастерства. А чем дочь Лодердейлов была хуже? Когда я со слезами вытребовала уйти из балета, не выкрутив ни одного приличного па, она поняла, что всем.

Именно Констанс утешала меня, когда Джереми Фэрфакс ни с того ни с сего бросил меня прямо посреди школьного

коридора на глазах у всех одноклассников, выставив меня на посмешище. В пятнадцать любое расставание сравнимо с концом света, а когда твоё поражение видит вся школа – апокалипсис, не меньше. Маме я сказать побоялась – ни к чему было лишний раз доказывать, что её дочь ни на что не годится. Прибежав домой в слезах, я закрылась в комнате, и только Констанс прорвала оборону, навестила меня с подносом румяного печенья и гладила по плечу, пока я не выплакалась до последней капли. А потом взяла мои ладошки в свои и сказала, что Джереми Фэрфакс – полный кретин, если воротит нос от такой, как я.

Именно Констанс сидела в первом ряду на вручении дипломов, заменяя мне сразу и отца, и мать. Первый заключал очередную многомиллионную сделку, а вторая штурмовала кабинет мэра не с первой и не последней петицией, чтобы старый кинотеатр в Хэмпдене, в квартале от нашего дома, или отреставрировали или снесли ко всем чертям. Внешний облик района значил для неё больше, чем достижения собственной дочери.

И как только я сближалась с Констанс, и добивалась своего – она звала меня просто Сарой, как добрая тётушка, что годами жила с нами под одной крышей – мама вихрем вносилась в наши доверительные отношения и пресекала всякую фамильярность.

– Она наша домработница, милая. – Ошарашено заявляла она, когда Констанс выходила из комнаты и не могла услы-

шать подобных несправедливостей в свой адрес. – И должна обращаться к тебе соответственно.

Лишь окончив школу, я научилась давать маминым выходкам отпор, обрела голос и смелость им пользоваться, но всё равно проигрывала в каждой войне. Можно любить человека, но ненавидеть его поступки.

Напряжённость Констанс переполняла коридор до краёв и чуть не вырывалась из окон. Она будто увидела призрак и грызла губы, боясь в этом признаться.

– Простите… Сара… Но ваш отец уже десять минут говорит по телефону, так что миссис Лодердейл должна спуститься. И… и вы тоже.

Я нахмурилась. Маму нельзя беспокоить, даже если она в лучшем расположении духа, что бывало нечасто. Но пока ею завладевала хандра, любая микровспышка волнения могла оказаться спусковым механизмом.

– Кто же пришёл?

– Вы должны сами увидеть.

– Идёмте. – Сказала я, отдаляясь от комнаты мамы. Поведение домработницы взволновало меня. – Я сама с ним встречусь.

Пока винтовая лестница вела меня вниз, я мысленно перебрала имена всех возможных визитёров. Одна из так называемых подруг мамы из местного «клуба жён олигархов»? Миссис Лэнсберри, мамаша Шейлы, с которой мы сидели за соседними партами в старшей школе Хэмпдена и скры-

то ненавидели друг друга? Алиссия Сент-Клер, супруга Грэхема Сент-Клера, исполнительного директора сети «Уолмарт»? С ней на пару мама заведовала местным благотворительным фондом, чтобы хоть куда-то вложить свободное время и деньги. Или Барбара Биггли, что жила в начале Гранд-Вью авеню и комментировала каждый выбранный мамой наряд, считая себя законодательницей мод Балтимора? Я видела её гардеробную. Вещей в ней хватило бы, чтобы одеть целый квартал бездомных, а в ней самой смогла бы жить небольшая, непривередливая семья.

Но уже на середине лестницы я выдохнула. В холле переминался с ноги на ногу молодой мужчина, а не одна из этих буржуйских аристократок, которых я на дух не переносила. Высокий и подтянутый гость в простых брюках и расстёгнутом пальто, из которого выглядывал уютный джемпер, а не дизайнерский костюм-тройка. Каштановые волосы зачёсаны чуть на бок. Красивая линия скул и карие глаза. Он сцепил руки за спиной и стоял не шелохнувшись в страхе ступить хоть на шаг дальше гостеприимного коврика при входе или тронуть хоть пылинку на позолоченной раме – хотя благодаря Констанс в этом доме нельзя отыскать ни пылинки.

Мужчина позволял себе лишь глазами знакомиться с обстановкой дома, но тут же кашлянул, когда заметил нашу процессию. Я вспомнила мамины уроки хорошего тона и приветливо улыбнулась, ещё когда до гостя оставалось добрых двадцать шагов.

– Добрый день. – Поприветствовала я мужчину, поравнявшись с ним.

То ли от природной робости, то ли от подавляющего богатства обстановки, тот некоторое время не мог отвести от меня глаза. Не решался заговорить, словно сама принцесса вышла встретить его. Его глаза впивались в черты моего лица, а руки хаотично задёргались. Сперва он расцепил замок и хотел протянуть ладонь, потом опустил руки по швам.

– Простите, но моя мать не может сейчас принимать гостей. – Взяла я разговор на себя, пока Констанс мялась позади. – Но вы можете зайти позже или передать ей что-то через меня.

Мужчина по-прежнему молча пялился на меня, нагнетая обстановку странным напряжением.

– Могу я узнать ваше имя? – Чуть раздражённо спросила я.

– Здравствуй, Сара. – Наконец выдавил из себя гость. Откуда он знал моё имя? Я вот впервые видела этого человека.

– Мы знакомы?

– Конечно, знакомы. – Мужчина вдохнул в себя весь кислород дома и сказал. – Я Джонатан. Твой брат.

Глава 4

После провала в балетной школе, пуанты отправились в коробку пожертвований маминого благотворительного фонда «Белые ангелы». Она только вступила в ряды местных активисток-домохозяек и хотела оправдать столь удачный взлёт в обществе, а ещё свободные часы без настоящей работы. Нельзя ведь прослыть простой лентяйкой, что почивает на лаврах супружеского успеха.

Мою нелюбовь к лебединому изяществу балетных плие, батман фондю и краузэ мама приняла с неохотой и лишь с подачки папы, который защищал свою дочурку от напастей жены. Когда находил время. Но Вирджиния Лодердейл не была бы собой, если бы не продолжила навязывать своей дочери увлечения, достойные балтиморского бомонда. Ведь все отпрыски местных богачей обязательно играли на каком-нибудь инструменте, скакали верхом или привозили медали со школьных олимпиад.

За школой балета последовали уроки фортепиано и скрипки. И каково же было разочарование матери, когда она поняла, что её дочь не годится для музыки так же, как и для танцев. Медведь наступил мне не только на ногу, но и на ухо, так что после двух месяцев регулярных занятий с лучшими преподавателями скрипка и смычок отправились в ту же самую коробку.

А за ними боди для гимнастики, нотная тетрадь и даже телескоп. Восхищаясь музыкальными успехами Джонатана, мама не могла смириться, что её старшая дочь обделена всякими талантами. Банальна и тривиальна. И её не волновало, что у меня были свои увлечения, в которых бы я хотела преуспеть вместо того, чтобы копировать дочерей её подруг.

Потеряв всякую надежду воспитать из меня балерину, пианистку или астронома, мама поставила на мне крест и лишь махнула рукой, когда я спросила, могу ли записаться в кружок юных модельеров в школе Вест Ройал. Я так любила наряжать кукол и рисовать принцесс всё в новых и новых платьях, что уже с двенадцати лет своей детской страстью предопределила будущее.

Занятия проходили дважды в неделю, по понедельникам и четвергам, так что в тот день я задержалась после уроков в кабинете изобразительного искусства на втором этаже. В моём портфельчике «Гесс» прилежно лежало домашнее задание, над которым я корпела все выходные, перечёркивая и перерисовывая каждую линию, подбирая цвета, как юная Донателла Версаче для своих коллекций. Наброски пяти разных нарядов для маленькой модницы, которой мне только предстояло стать.

Мисс Лорен захвалила меня до румянца, выставив на всеобщее обозрение эскиз голубого платья с рюшками и длинным шлейфом – венец моей художественной коллекции. Шейла Лэнсберри, дочь маминой подруги, которую таскали

по всем дополнительным занятиям и кружкам, обидчиво надула губки. По ужасному совпадению или маминому велению мы ходили в одну частную школу, в один класс и даже в один кружок – так мама приобщала меня к дружбе с «себе подобными», чему я была не особенно рада. С неприкрытой завистью Шейла принимала все похвалы в мой адрес, будь то рисунок платья, хорошая оценка по географии, в которой она была не сильна, или первое место в забеге на тридцать метров. Гораздо охотнее она хвалилась своими нарядами, чем быстротой ног или интеллекта.

После такого фурора в клубе модельеров уже ничто не могло омрачить мой день. Мне так казалось. Уроки Джонатана заканчивались часом раньше, и няня Мария забирала нас обоих с личным водителем, отвозила домой и кормила ужином. По понедельникам и четвергам, когда я задерживалась в кружке, не было смысла дважды мотаться туда-обратно, поэтому Мария отводила Джонатана в парк или в кафе неподалёку выпить какао.

В тот день я счастливая вышла за ворота школы, готовясь встретиться с братом и няней у машины. «Мерседес» мистера Рено стоял на привычном месте под тенью каштана, но ни Джонатана, ни Марии нигде не было видно. Решив, что они уже поджидают меня внутри, я забралась в салон. Мы ждали пятнадцать минут, потом полчаса, но они так и не пришли. Мистер Рено много раз трезвонил Марии, я – Джонатану, но телефоны обоих были отключены.

Я разволновалась, но мистер Рено храбрился и не показывал своих опасений двенадцатилетке, сжавшейся на заднем сидении. Вопреки строгим наказам отца не беспокоить без причины, водитель позвонил ему посреди рабочего дня и сообщил о том, что юный мистер Лодердейл не появился. Отца, похоже, больше взволновал тот факт, что его отвлекли от работы по таким пустякам. Задержались где-то в парке, что тут такого? Джонатан обожал кормить уток, смотреть на корабли или лазать по лесенкам на детской площадке. Мама, которой я позвонила и отвлекла от делового ланча с соосновательницами фонда, была того же мнения.

Мы прождали ещё час. Объехали окраины, заглянули в места, куда могли забрести мисс Веракрус и Джонатан, заглянули в школу, прежде чем снова беспокоить таких занятых Лодердейлов. Наверняка мы смотрелись забавно – Геракл в чёрном костюме и школьница с двумя хвостиками, таскающаяся за ним по пятам с рюкзаком. Мне было уже двенадцать, так что кое-что я уже понимала. Мистер Рено тревожился, но не подавал виду и улыбался на все мои вопросы. Как бы строго он ни выглядел, а внутри был мягче пудинга и умел найти к детям подход.

В конце концов, мы поехали домой, надеясь, что две пропажи всё же найдутся там. Но особняк был пуст и казался жутким – столько комнат, а все молчаливо необитаемы. Тогда-то я впервые почувствовала страх мистера Рено. От сына хозяев и его няни не слышалось вестей уже три часа. В этот

раз к отвлекающим звонкам водителя мама и папа отнеслись со всей серьёзностью.

К вечеру дом наводнили незнакомцы в устрашающей форме со значками полиции, люди в тёмной одежде с компьютерами и сурового вида мужчина с бородой и узкими глазками. Если на него и произвёл впечатление наш особняк, как на его коллег – те вертели головами и присвистывали, едва переступали порог – то этот человек виду не подал. Он раздавал поручения всем и каждому, со знанием дела контролировал процесс и умудрялся сохранять хладнокровие, когда мои родители сходили с ума от страха. Дом превратился в тонущий корабль – по паркету, как по пробитой палубе суетливо бегали люди, а меня подташнивало от этой постоянной перестановки действующих лиц, так что я путалась, кто есть кто. А в душе моей зияла огромная пробоина.

Пропади любой другой мальчишка, полиция бы занялась поисками не с таким рвением. Деньги открывают любые двери, а папа умел стучаться. О Джонатане никто бы не позаботился с такой самоотдачей, если бы в полицейском участке Хэмпдена, в кабинете капитана Фрэнка Гувера не раздался тревожный звонок от Роджера Лодердейла и самого мэра Балтимора, с которым тот раскидывал покер и курил сигары в джентльменском клубе «Сомерсет» по четвергам. Полиция тут же среагировала на вызов и не отмахнулась от пропажи ребёнка, хотя при других обстоятельствах отложила бы расследование до «лучших времён».

Меня отослали наверх, но как я могла усидеть в одиночестве комнаты, когда мой брат пропал, а родителей готовили к худшему? Мама зашла ко мне всего раз и снизошла до непривычной нежности. Погладила по голове и заверила, что всё будет хорошо, хотя руки её тряслись, а в глазах стоял туман из слёз.

Я пыталась рисовать – создание новых эскизов всегда успокаивало и занимало меня, если было скучно. Но шум внизу сильно отвлекал, желудок сворачивался узлом от голода и страха за Джонатана, а нежнейшее покрывало кровати кололо иглами, так что я постоянно выскальзывала из спальни и пробиралась к эпицентру спасительной операции. Пыталась подслушать, о чём говорят взрослые, но урывки фраз никак не складывались в понятную картину.

Я расслышала, как кого-то отправили опросить сотрудников школы. Кого-то – разослать описание моего брата по всем участкам. Кого-то – подключиться к телефонной линии на случай, если позвонят похитители. Пару раз меня прогоняли наверх, но вскоре перестали замечать. Я уселась на верхней ступеньке лестницы и настроилась на суетливую, паническую волну дома.

В нём находилось больше пятнадцати человек, но никому из них не было до меня дела. Пока я не расслышала шаги. Ко мне подошёл совсем ещё молодой офицер и опустился рядом.

– Тебе не стоит подслушивать. – Мягко сказал он, вовсе

не пытаясь меня запугать. – Взрослые заняты работой.

– Но я хочу знать. – Заупрямилась я, позабыв о правилах этикета матери. – Это ведь мой младший брат… Я переживаю за него.

– Я понимаю, но лучше тебе быть подальше от всего этого.

– Джонатан пропал?

Мне не хотелось быть подальше. Хотелось, чтобы меня обняли и сказали, что Джонатан обязательно найдётся. Ввели в курс дела, ведь я уже не была маленьким ребёнком и всё понимала. Хотела помочь. И ни один из тех всезнающих взрослых не подумал о моей помощи. Только этот полицейский.

– Сара… – Заговорил он. – Ты ведь Сара, правильно?

– Да.

Он достал из кармана чёрную книжицу и заправленную за обложку ручку.

– Я хотел бы задать тебе несколько вопросов, если можно. – Его голос успокаивал, глушил тревогу дома. – Ты могла бы очень помочь своему брату.

Мне захотелось воскликнуть, что я готова на всё, но я лишь кивнула. Полицейский осторожно расспросил меня о Джонатане, и его интересовали не только подозрительные личности, что могли вертеться около школы, или странности, которые я могла бы заприметить как никто другой, ведь мы всегда были вместе. Его интересовал сам Джонатан. Чем он увлекался, каким он был, что любил и с кем дружил. Белые странички его блокнота постепенно заполнились коря-

выми зигзагами чернил.

– Давай я провожу тебя в комнату. – Предложил он, и я послушно пошла наверх. Он будто хотел огородить меня от лишних потрясений, защитить от страхов и взрослых разборок.

– Постарайся больше не подслушивать, хорошо? Если тебе что-то понадобится, то позови меня. – Тепло улыбнулся он и уже у дверей добавил. – Мы обязательно найдём твоего брата.

– Как вас зовут? – Окликнула я, прежде чем он вышел.

Я навсегда запомнила эти светло-коричневые глаза. И движение губ, когда полицейский сказал:

– Ричард Клейтон.

На следующий день имя моего брата звучало во всех новостях. Его фотография смотрела на прохожих со всех передовиц. Непокорный вихор каштановых волос, карие глаза, мальчишечья ухмылка и родинка над правой губой. И шрам… шрам на правой брови. Упал с велосипеда, когда хотел порисоваться перед соседской девчонкой и проехать без рук. Восемь швов, ушат слёз и полоска белёсой кожи между густыми волосками – всё это осталось у Джонатана после падения.

Ровно пятнадцать лет спустя я смотрела на человека с такой же каштановой шевелюрой, цветом глаз и той самой родинкой, но мальчишечья ухмылка давно пропала. Мой брат вырос, но в каждом движении его бровей узнавался тот са-

мый мальчишка, что пропал пятнадцать лет назад.

Три человека в холле звучали как прерывистое дыхание – мы могли лишь издавать звуки вдохов. Наши мысли создавали больше шума, чем мы сами. В моей грудной клетке творилось что-то невообразимое. Путаница из радости и недоверия.

Когда этот человек вошёл в наш дом и заявил, что он Джонатан Лодердейл, мой брат, я отступила назад и задохнулась от возмущения.

– Как вы смеете? – Выдохнула я еле слышно. – Приходить сюда и бередить старые раны. Мой брат пропал много лет назад.

И этот самозванец не первый, кто пытался поглумиться или нажиться на нашем горе. Две недели тротуар перед воротами осаждали корреспонденты из всевозможных газет, журналисты с местных каналов с микрофонами и камерами наперевес, стервятники с притворной благодетелью и ненастоящими сведениями о местонахождении Джонатана. Все они хотели получить звёздную репутацию, гонорар за сенсационное интервью или вознаграждение за ложь.

По всему периметру дежурили полицейские и нанятые папой люди из частной охранной фирмы. Им удавалось сдерживать напор журналистов, а осведомителей тщательно проверяли люди капитана Гувера. Но ни один из них не принёс добрых вестей или хотя бы полезных сведений. Лишь выдумки о том, что Джонатана видели в Иннер Харбор, запи-

хивали в белый фургон или сажали на поезд до Вашингтона. Бредни, не стоящие и цента предложенных отцом денег за информацию. Каждое слово тут же проверялось специальной группой, брошенной на дело об исчезновении. Но звонка о предложении выкупа так и не поступило. Ни одна камера не зафиксировала Джонатана или Марию Веракрус. Ни один свидетель не мог дать ничего полезного.

Все эти люди лишь усиливали терзания. Но ни один из них не опустился так низко, чтобы прийти к нам домой и представиться Джонатаном.

До этого дня.

– Убирайтесь. – Огрызнулась я, но гость не двинулся с места и лишь примирительно выставил ладони вперёд.

– Погодите, прошу вас. Я знаю, что не достоин вашего доверия, но просто выслушайте меня.

– Я не стану вас слушать. И тем более не позволю увидеться с матерью. Уходите…

– Я действительно ваш брат.

– Констанс, вызывай полицию.

– Прошу, не надо полиции. – Попросил незнакомец, когда Констанс потянулась к телефону на тумбе. – Я Джонатан Уорнер Лодердейл. Второе имя дали мне в честь деда, Уорнера Фицджеральда Лодердейла. Мне двадцать пять лет

В животе натянулся нерв от услышанного, но я не собиралась поддаваться на уловки.

– Это любой может узнать из интернета. – Возразила я

и кивнула Констанс, которая зависла с трубкой в руках, не зная, как ей поступить.

– Может быть. – Не сдавался самозванец. – Но мог бы я узнать о том, что родился в полдесятого утра двадцать девятого июля и месяц пролежал с мамой в больнице из-за отита?

У меня закружилась голова, а он всё не унимался:

– Или что в детстве я не мог заснуть без голубого медвежонка Ленни, который мне подарила няня Мария? Или что я ненавидел котлету из гамбургеров и постоянно отдавал её старшей сестре? Тебе…

Позвоночник сдавило со всех сторон, ладони так взмокли, что держи я что-нибудь в руках, оно бы тут же выскользнуло и шлёпнулось на пол. Я застыла с открытым ртом, как и Констанс.

Завладев нашим помешательством, проходимец заговорил уже более уверенно:

– В первом классе я подвернул лодыжку, играя в футбол. Во втором – сломал руку, когда свалился с дерева в парке Раш Филд. Туда нас водила мисс Веракрус по субботам, помнишь? А ты любила рисовать и разрисовала мой гипс Черепашками-ниндзя, которых я обожал. Мы с тобой складывали пазлы с изображением лошадей, потому что ты их очень любила, но когда мама отправила тебя на курсы верховой езды, ты убежала в слезах.

Рука непроизвольно потянулась вверх и сжала губы, чтобы оттуда не вырвался крик ужаса. Конечно, я всё это пом-

нила. Но как мог знать *он*? Если только…

– Я был таким неуклюжим, что постоянно попадал в переделки. Этот шрам, – он указал на правую бровь. – Получил, когда свалился с велосипеда, помнишь? Пытался впечатлить Молли Дэвидсон из соседнего дома.

Я и так готова была заорать что есть силы от всего, что услышала, но незнакомец – или же очень хороший знакомый – оттянул ворот джемпера и сказал то, что добило меня окончательно:

– А как-то раз я опрокинул на себя кипяток.

Под тёмной тканью морщилась обожжённая кожа, зажившая много лет назад. Кругообразный ожог зиял на его груди, прямо под ключицей, в том месте, где и у Джонатана.

– Если я вру, то откуда я мог всё это узнать? Ведь о таком в газетах не пишут.

Послышался глухой удар трубки – Констанс положила её на место, так и не вызвав подмогу.

Наступило молчание. Долгое, болезненное, всё ещё полное сомнений, но и чего-то ещё. Этот человек клялся, что он мой брат. Я глядела в его глаза – точь в точь мои – и пыталась прочитать, говорил ли он правду или мастерски лгал.

Когда тишина стала подкашивать колени, я наконец отняла ладонь ото рта и еле-еле прошептала:

– Джонатан? Это и правда ты?

Глава 5

Последние полгода Марк был первым, кому я звонила, чтобы поделиться радостью или поплакаться в жилетку. Один его поцелуй высасывал всю горечь, дарил сладость, будто я пробовала конфету на вкус. Одно его слово «любимая» в трубку стирал весь мир вокруг.

Но сегодня я впервые захотела набрать совершенно другой номер. Того, кто заверил бы меня, что я не сошла с ума. Кто проверил бы всё, что наговорил незнакомец, и убедил меня в его правдивости. Кто успокоил бы меня мягким голосом как тогда, пятнадцать лет назад на этой самой лестнице.

Немыслимо, что образ Ричарда первым всплыл в памяти, но я всё же набрала верный номер и попросила Марка сейчас же мчаться в Хэмпден. Сбросив звонок, я вернулась в гостиную, где творилось что-то сюрреалистическое.

Констанс хлопотала с подносом, поднося кофе и угощения, словно мы решили устроить соседские посиделки со сплетнями и воспоминаниями о прошлом. Её щёки горели огнём, а руки дрожали, отчего фарфор на подносе мелодично позвякивал. Отец никогда ещё не казался мне таким несобранным. Если Роджера Лодердейла и могло что-то выбить из колеи, так это возвращение пропавшего сына домой. Он сидел в кресле, выбрав напиток покрепче кофе да чая. Виски волновался в его бокале, пока он с любовью и непонима-

нием разглядывал повзрослевшего Джонатана. Он забывал моргать – мало ли тот исчезнет так же внезапно и ещё на пятнадцать лет.

Мама восстала, как феникс из пепла, правда, из своей постели. Она покинула скорбное уединение наверху, как только мы осторожно сообщили ей новость. Сперва она не поверила, потом накричала на нас, потом расплакалась… А теперь сидела в сантиметре от взрослого сына всё с теми же альбомами, что заставила Констанс перетаскать из спальни, и предавалась общим воспоминаниям. Оглядывалась на сына, поглаживала его по щеке и хохотала так же задорно, как в детстве. Неужели та чопорная, холодная хозяйка поместья Лодердейлов появилась лишь оттого, что её сердце замёрзло от потери дитя? А теперь оно оттаивало стремительнее кубика льда, что забыли убрать в морозилку.

Родители поверили незнакомцу с полуслова. Что касалось меня… что ж, я стояла в сторонке, разглядывая убедительную сцену воссоединения с долей скепсиса. Так игрок в покер раздумывает, идти ли ему ва-банк с выпавшей комбинацией. Так вор мешкает в темноте перед забором с надписью «Злая собака». Так пловец колеблется на краю обрыва перед нырком в толщу тёмной воды.

Я отстранённо наблюдала за объявившимся братом, пытаясь уловить промах в поведении, неточность в интонациях, погрешность в легенде. И в то же время пытаясь отыскать внутри причины поверить ему на слово, ведь всё – поведе-

ние, манеры, легенды – сходилось в идеальных показаниях, к которым не сможет придраться самый опытный следователь.

Он вёл себя в точности, как мой брат на пятнадцать лет старше. В тональностях его голоса я даже улавливала писклявые нотки, что проскакивали у Джонатана до того, как голос стал ломаться. Он не фальшивил, играл по нотам. Едва мама перелистывала альбомную страницу и указывала на фотографию, он тут же подхватывал воспоминание на запечатлённом кадре.

– А вот это наше первое Рождество в этом доме… – Заворожённо рассказывала мама, поглаживая общую фотографию на фоне камина. – А это День Благодарения. Тебе тогда было…

– Четыре и я нарядился индейкой. – Закончил фразу мой реальный или притворный брат. – Костюм мне сшила Мария из старых занавесок, а внутрь напихала поролон.

– Верно. – Просияла обнадёженная мама, и открыла следующую порцию снимков. – А это первый день Сары в школе. Она…

– Расплакалась в машине, пока мы ехали с мистером Рено на первое занятие. – Снова додумал Джонатан или его двойник.

– А это…

– Наш поход в океанариум. Я тогда испугался акулу и неделю боялся принимать ванну.

Полное попадание по всем мишеням. Он помнил даже то,

что, казалось, не мог помнить, ведь ему было четыре. Как много воспоминаний хранятся в нашей памяти с таких ранних лет? Даже я смутно помнила свой первый школьный день. Лишь обрывочные картинки, как я перемазываюсь слезами и соплями на заднем сидении, как мистер Рено ободряюще просит не вешать нос, как Мария достаёт платочек и утирает мои щёки, приговаривая:

– Ты же не хочешь показаться перед всеми в таком виде, Сара?

– Сара! Сара!

Мамин голос выдёргивает меня из прошлого, и я вижу, как три пары глаз внимательно смотрят на меня.

– Простите, я прослушала.

– Я говорю, присядь с нами, выпей кофе. Это ведь твоё любимое печенье. – Просит мама, кивая на диван рядом с ними, но я мешкаю, когда Джонатан снова выдаёт сущую правду:

– Овсяное, с шоколадной крошкой. Так ты до сих пор любишь его?

Мария пекла это печенье так часто, что могла бы замесить тесто с завязанными глазами, одной рукой. Когда она исчезла вместе с Джонатаном, печь для меня стала Констанс и выходило у неё даже лучше, но я навсегда запомнила именно то, нянино печенье, потому что всегда делила его с братом.

– Д-да. – С заиканием согласилась я, видя, что все ждут моего ответа. – До сих пор.

В немногословности я перещеголяла даже отца. Хорошо, что мама взяла разговор в свои руки, потому что я так погрузилась в беседу со своими сомнениями, что не смогла бы вести ещё одну.

Толстый альбом и десятки воспоминаний спустя отец всё же решил прервать обмен любезностями, поставил стакан на столик и прокашлялся.

– Джонатан, это, конечно, всё прекрасно, но…

Мама бросила на него предостерегающий взгляд, а я – благодарный. Роджера Лодердейла не так легко провести, как его супругу. Доверяй он всем и каждому, никогда бы не создал миллионную империю. Его практичность восторжествовала над более возвышенными чувствами, и он произнёс:

– Что произошло? Где ты был все эти годы? Мы искали тебя повсюду…

– Роджер, не сейчас. – Осадила его мать. – Давай отложим расспросы и просто порадуемся, что наш мальчик вернулся домой.

Как же быстро мама выбралась из чешуи и доверилась незнакомцу! *Её мальчик* мог оказаться кем угодно, как бы достоверно ни звучали его слова. Мы готовы найти любые оправдания происходящему, если наши надежды исполнились. А мама мечтала об этом моменте все последние пятнадцать лет.

– Ничего, мама. – Джонатан тронул *мою* маму за руку. От

того, что он назвал её *мамой*, разряд прошёлся по всем моим конечностям. – Я готов ответить на любые вопросы, но, боюсь, что всех ответов у меня нет.

– Что это значит? – Впервые встряла в разговор я и настала моя очередь принимать гневный взгляд матери.

– Я помню не всё. – Знакомый незнакомец тяжело вздохнул и опустил глаза. – Помню, как закончились уроки. Это был понедельник, и ты задержалась на своих курсах модельеров, поэтому Мария встретила меня у ворот и повела в «Свит Ривер» выпить какао. Мы всегда заходили туда, чтобы скоротать час, прежде чем мистер Рено забирал нас у школы.

Этой же теории придерживалась и полиция, когда воспроизводила цепочку событий. Джонатан и Мария покинули территорию школы и исчезли с камер наблюдения. В две тысячи восьмом технологии ещё не зашли так далеко. Людей искали по горячим следам, а не по наводкам программ распознавания лиц. Полиция проверила каждое заведение, каждый метр по пути от школы Вест Ройал до кафе «Свит Ривер», но тогда камеры ещё не висели на каждом углу, как сейчас. Куда пропавшие подались после занятий, оставалось загадкой, которую никто так и не разгадал. Офицеры расспросили работников кафе, показали им свежие фотографии Джонатана и Марии, но те лишь качали головами. До «Свит Ривер» они так и не дошли, так и не выпили сладкого какао…

И этот человек мог раскрыть тайну, почему. Разгадать за-

гадку, что не удалось ни полиции, ни Ричарду.

– Помню, как мы дошли до прачечной на Калвертон-роуд. – Продолжал брат. – Марию кто-то окликнул по имени, мужчина. Всё, что я помню. Грубый, удивлённый голос. А потом всё…

– Что, всё? – Испуганно переспросила мама, хватаясь за сердце.

Папа придвинулся чуть ближе, я сделала шаг вперёд и опёрлась о спинку кресла, что разделяло меня с семьёй. Схватилась за него, как за надёжную опору, пока Марк не приехал. Потом буду хвататься за него.

– Дальше пробел, чернота… – В голосе Джонатана слышалось отчаяние и даже страх. – Я словно выпал из реальности. Будто меня по голове ударили, а может, так оно и было.

– А что потом? – Спросил отец напряжённо, не раскрывая карт, поверил ли в эту байку или нет. – Что было в следующие пятнадцать лет?

– Я очнулся в больнице. – Сглотнул Джонатан за нас всех. – Один, ничего не помня. Кто-то словно стёр мою память, потому что в голове – чистый лист. Врачи сказали, у меня было сотрясение, что могло повлиять на долгосрочную память. Они связались с полицейскими и те искали моих родителей, дальних родственников, хоть кого-то, кто знал, кто я и откуда.

Чем дальше заводил рассказ, тем глубже я закапывалась в яму ужаса. Если всё это правда, если мужчина передо мной

действительно мой брат, то сколько же несчастий выпало на его долю? На долю десятилетнего мальчика. Сама того не заметив, я заскрипела пальцами по обивке кресла, но никто и бровью не повёл.

– Пока они искали моих родных, социальная служба отдала меня на попечение одной супружеской паре. Они не могли иметь детей и искали того, кто сможет заполнить эту пустоту, кому можно будет подарить эту любовь, хотя бы временно. Но мою семью так и не нашли. – С горечью сказал Джонатан, обращая взгляд на маму. – И та пара меня усыновила.

– Господи… – прошептала мама, приобнимая блудного сына за плечи. – Сколько же ты пережил!

– Это ничего. Они действительно были хорошими людьми.

– Были? – Уточнил отец. Для него было важнее сперва заполнить все пробелы, а уж потом поддаваться эмоциям.

– Да. Сидни и Клиффорд… так их звали, разбились на машине год назад.

– О, мне очень жаль это слышать.

– Спасибо, мам.

Мам.

Сердце снова кольнуло, но я заставила его утихомириться. У этого мужчины глаза цвета Лодердейлов. Шрам и ожог, как у моего братишки. И судьба длинною в пятнадцать лет, которую сложно вот так выдумать. Создать из ничего.

– У меня было счастливое детство, счастливая жизнь, так

что вам не о чем переживать. – Попытался улыбнуться Джонатан. – Сидни и Клиффорд стали моими родителями, изо всех сил старались заменить тех, что так и не удалось найти… вас.

Джонатан глянул на отца, и тот согнулся под этим взглядом. Словно тонна вины легла на его плечи от того, что он плохо искал сына, сделал недостаточно, обрёк его на жизнь вдали от настоящего дома.

– Поэтому я не пытался разузнать, кто я. – Выговорил брат. – Но когда они погибли…

– Ты захотел найти свою семью. – Догадалась я и получила благодарный взгляд.

– Да. На это ушло много времени и вот я здесь.

– Но как же тебе удалось?

– Я выбрал довольно необычный способ. – Смущённо хохотнул Джонатан. Точно так же, как в детстве! – Мне помогли занятия с психотерапевтом и гипноз. После нескольких месяцев и сотни сеансов я всё вспомнил. Все детали своего детства и вас.

Стоило этому человеку вкрадчиво произнести «вас», как родители готовы были растаять, без промедлений принять чужака в свой дом и в свою жизнь. Даже деловой отец со своими осмотрительностью и благоразумием сдавал позиции. Это просматривалось в его позе – папу так и тянуло всё ближе и ближе к дивану, на котором сидели мама с гостем. Он осторожничал, но уже готов был протянуть руки и обнять

сына.

Безумие какое-то. Жуткий сон, от которого не проснуться. В детстве мисс Веракрус, остававшаяся пять дней в неделю в этом доме, утешала меня, если мне снился кошмар. Только ей было дело до моего спокойствия, ведь отец спал так крепко, что его и звоном колоколов над ухом не разбудишь, а мама не любила, если её ночью беспокоили. Натягивала маску для сна и запиралась берушами от сторонних звуков. Берегла природную красоту и свежесть, что дарует восьмичасовой здоровый сон.

А в субботу и воскресенье, когда Мария уходила на законные выходные, некому было позаботиться о *моём* здоровом сне. И порой я пробиралась в комнату к Джонатану, хоть он и был на два года младше и верил в чудовищ под кроватью похлеще меня. В его не по возрасту широкой постели не хватало места лишним страхам – только нам двоим. Он обнимал того самого медвежонка Ленни, пока ему не исполнилось восемь, и дружба с плюшевыми зверями уже перестала так много для него значить. А я обнимала его сзади и страхи отступали.

Сейчас мне стало страшно, но я не могла обнять брата, как раньше. Пока рано. Мне хотелось с той же родительской беспечностью кинуться в омут всей этой правды или обмана, но слишком уж он пугал. Некоторым вещам нужно время, чтобы устаканиться, и наше ещё не пришло.

Мама затребовала закончить наконец все расспросы и вы-

пить уже кофе с угощениями, но я напросилась на последний вопрос, не менее важный, чем сотни предыдущих.

– Как же тебя звали эти пятнадцать лет? И где ты жил?

Пока мама имитировала неудовольствие изящным закатыванием глаз и благородно мешала сахар в своём давно остывшем чае, Джонатан рассказал недостающий фрагмент своей истории.

Далеко же его закинуло от школы Вест Ройал и нас самих. Пришёл в себя он в больнице Форт-Уэрта в Техасе, в полутора сотнях миль западнее. После того, как полиция отчаялась разыскивать родных, Джонатана отдали на попечение Сидни и Клиффорда, а самому ему создали новую личность. Пятнадцать лет мой брат жил по документам Мэтью Дэвина. Ему позволили самому выбрать имя, а фамилия досталась от опекунов, словно он всю жизнь прожил с ними под одной крышей.

– А теперь давайте немного отвлечёмся. – Приказала мама, призывая всех к порядку. – Сара, никаких больше расспросов. У нас ещё будет время.

Раздался спасительный звонок, и я опередила Констанс, лишь бы не усаживаться за общий стол. Как у родителей только кусок в горло лез? Я не могла даже смотреть на любимое печенье без тошноты – желудок выписывал кручёные не хуже лучших питчеров. Так что я извинилась и помчалась к двери.

– Слава богу, Марк! – Выдохнула я, падая ему в объятия.

– Я примчался как только смог. Что у вас здесь творится?

За всё время наших отношений я ни разу не шипела в трубку просьбы бросать всё и ехать спасать меня. Ещё не набрасывались на меня такие проблемы, которые бы я не смогла решить самостоятельно. Со мной не носились как с малым ребёнком в детстве, и я выросла независимой, пусть и не обласканной нежностью, о которой мечтает любая девочка.

Когда меня бросил Джереми Фэрфакс, первый настоящий парень, я позволила себе порыдать на плече у Констанс, а потом с высоко поднятой головой вернулась в школу. Когда меня не приняли в Колумбийский, я не упала духом и тут же отправила заявку на факультет моды и дизайна в университет Нью-Йорка. Когда мой бизнес впервые оказался под угрозой, я не побежала к папочке и не попросила пустить своё имя или деньги в ход, чтобы остаться на плаву.

Но сейчас мне нужен был кто-то, кто не станет поддаваться эмоциям и бросаться в омут с головой, как родители. А Марк подходил для этого лучше кого-либо другого.

Мой пересказ событий последних двадцати минут и пятнадцати лет уместился в тридцать секунд, за которые лицо Марка – его прекрасное, отточенное рукой античных ваятелей лицо – пережило революцию. Вытягивалось в бесформенный овал, бледнело, терялось. Он не мог поверить в происходящее так же, как и я. Но я рано радовалась, потому что, осмыслив мои слова, Марк приобнял меня за плечи и улыбнулся.

– Сара, дорогая, по всей видимости, твой брат вернулся домой.

– Так ты веришь, что это и правда он?

– А зачем кому-то врать? Идём.

– Что? Куда? – Опешила я, когда жених потянул меня за руку в сторону голосов.

– Как куда?! – Беспечно усмехнулся Марк, взглянув на меня как на глупое дитя. – Я всегда мечтал познакомиться с твоим братом.

Но я медлила. Безоговорочное доверие Марка сбило меня с толку ещё сильнее реакции мамы и папы. Одна я держала голову в холоде? Остальные будто спятили. Поддались чарам незнакомца, как только тот назывался Джонатаном.

Происходящее казалось мне слишком сладким, чтобы его так запросто проглотить.

– Ты иди, я догоню.

Марк скрылся за колонной холла, а я полезла в карман брюк и достала мобильный телефон. В гомоне голосов я расслышала мамино сладострастное:

– Марк, вот так сюрприз!

Порой казалось, что мама влюблена в моего жениха больше меня самой.

Отыскав нужный контакт в телефонной книге, я нажала на вызов и разволновалась. Маме не понравится, что я орудую за её спиной, но кто-то же должен выяснить правду. В доверчивости нет ничего плохого, но не в глупости.

– Алло, Сара? – Отозвался Ричард Клейтон после третьего гудка.

– Мне нужна ваша помощь. – Тихо сказала я, не слыша голоса из-за стука сердца.

– Что-то случилось?

– Случилось. – Созналась я. – Джонатан вернулся домой. И мне нужно, чтобы вы проверили, действительно ли мужчина в гостиной – мой брат.

Глава 6

Свет в нашем доме горел до самой полуночи. Слишком много всего нужно было сказать друг другу. Слишком много событий и чувств впихнуть в каких-то шесть часов обычной пятницы. Не удивлюсь, если мама объявит эту дату Днём воссоединения Лодердейлов и обведёт красным кружочком в календаре. А потом станет закатывать церемониальные званые ужины в честь любимого сына.

Чем дольше мы заново знакомились друг с другом, тем дальше отступали мои сомнения, пока не превратились в чуть заметную точку на горизонте. Не может самозванец так много знать о тех годах, что, как мы все думали, исчезли навсегда. Остались лишь кадрами в маминых альбомах и заметками на страницах пожелтевших газет, что до сих пор хранились в кладовой.

Мы с Марком сидели так близко, что я чувствовала его тепло через калошу брюк «Бриони». Он не выпускал моей руки, умудряясь другой пить кофе, откусывать печенье и жестикулировать, как умел только он. Гены предков-итальянцев давали о себе знать даже через три поколения.

В доме Лодердейлов мой жених – самый почётный гость. Отец уважал его и ни разу не лез с советами по поводу бизнеса, хотя предыдущих моих кавалеров поучал, точно финансовый гуру. Мама же строила из себя кокетку, едва Марк

появлялся в радиусе десяти метров, и предала собственный этический кодекс, чуть по-девчачьи не запрыгав от радости, когда я привела Марка знакомиться.

Но сегодня моему жениху пришлось довольствоваться вторыми ролями, ведь в центре внимания царил только Джонатан. Марк лишь подливал масла в этот огонь всеобщего обожания. Он так обрадовался возможности познакомиться с братом, о котором я столько рассказывала, что не спускал с него глаз и заваливал вопросами.

Чаепитие плавно перетекло в праздничный ужин, что Констанс выготавливала с особым усердием, а потом в вечерние посиделки у зажжённого камина с наполненными бокалами. Отец откупорил бутылку самого дорогого виски, припрятанного на особый случай. Более особый вряд ли бы представился. Он любил проводить вечера в компании Марка, сигар и деловых бесед. В каком-то смысле мой жених заполнил ту брешь, что появилась от пропажи сына. Но виски с двумя сыновьями сразу? Счастливее отца я ещё не видела. Даже удачно провороченная сделка по поглощению «Берген Кэпитал», компании-конкурента, что разорилась год назад, не растянула губы Роджера Лодердейла в такую счастливую улыбку, как примирение семьи. Никакими миллиардами не заменить любовь. Хотя многие пытаются…

Мама охмелела после пятого бокала вина и искристого смеха от историй. В последний раз она так искренне хохотала в моём детстве, но чем толще становился её кошелёк, чем

дороже колье на шее, чем влиятельнее связи, тем скорее эта искренность затухала, а улыбка превращалась в натянутый камуфляж.

Джонатан много рассказывал о жизни в Форт-Уэрте, о добрых людях, что его приютили и воспитали, об учёбе и даже девушках, с которыми ничего не получалось. Мой брат перенял от отца не только цвет глаз и разрез подбородка, но и верность. Оба они, как оказалось, были однолюбами. Отец всю жизнь любил лишь свою Вирджинию, Джонатан – девушку по имени Карина, с которой провстречался два года, но они расстались незадолго до того, как Джонатан занялся поисками тропинок к прошлому.

– Расставание с ней стало дополнительным стимулом найти вас. Я потерял буквально всех близких в один миг. И это горе привело меня сюда. Домой.

– За дом и семью! – Провозгласила мама, вытягивая руку с бокалом вперёд. Она пьяно улыбалась, как нализавшийся сливок кот, но в этот момент я любила её сильнее обычного. Она была настоящей.

Звон бокалов продолжился боем напольных старинных часов у камина. После двенадцатого удара Джонатан спохватился, будто только сейчас заметил, как стемнело за окном.

– Что-то я засиделся. – Виновато сказал он и стал подниматься. – Уже так поздно. Я, пожалуй, пойду.

– Что ты! – Встрепенулась мама птичкой, на которую упала капля дождя. – Посиди ещё!

– Я и так нарушил все законы приличия и отнял у вас много времени.

Вино ослабило и мою осторожность, но я не могла про себя не усмехнуться о том, что этот парень только что заработал себе лишнее очко, упомянув о законах приличия. Вирджиния Лодердейл блюла их с бережливостью стеклодува, любующегося своим изделием. И раз уж её единственная дочь относилась к заповедям благопристойности без ожидаемого уважения, то хотя бы сын пошёл по стопам высшего света.

– Где же ты остановился? – Нахмурился отец.

– В «Стейбридж» в Глен Оукс.

– Так это ведь на другом конце города! – Всплеснула мама руками, чуть не расплескав вино на белоснежную кожу дивана. Мне бы она голову откусила, если бы я пролила хоть каплю обычной воды на любую горизонтальную поверхность дома, но к себе относилась не столь строго, тем более, в такой радостный день. – И речи быть не может! Ты останешься ночевать у нас.

Джонатан шесть часов доказывал, что он действительно тот, за кого себя выдаёт. Но ни душевные беседы, ни общие воспоминания, ни три бокала «Шато Лафит» не смогли затуманить мой разум настолько, чтобы я так запросто раскрыла едва знакомому человеку свои объятья или дверь одной из спален.

– Мне неудобно. – Замялся Джонатан, но больше не сде-

лал ни шагу к выходу. – Не хочу никого стеснять.

– Ты нас не стеснишь! Правда ведь, Роджер?

Мама так зыркнула на отца, что тот чуть не выронил стакан с виски, угрожая не только белому ковру, но и собственной безопасности. Правила про напитки и горизонтальные поверхности распространялось и на хозяина дома, который оплатил все эти поверхности.

– Конечно… сынок. – Произнёс тот так, словно оговорился. Когда на протяжении пятнадцати лет не произносишь определённые наборы букв, разучиваешься складывать их в слова.

После пяти минут вальсирования между уговорами остаться и вежливыми отказами, Джонатан всё же поднял белый флаг и сдался.

– Хорошо, хорошо. Уговорили! – Он обескураживающе улыбнулся. – Если я вам не помешаю, то я был бы рад остаться здесь.

– А мы как рады! – Ахнула мама, и в её остекленевших винных глазах блеснуло совсем не стекло, а вода. – Констанс проводит тебя в гостевую спальню.

У мамы в рукаве было припрятана парочка суперспособностей. Вроде той, чтобы незаметно дать указание домработнице подготовить комнату для нежданного гостя. Я вспомнила, как за ужином мама притянула Констанс к себе и шепнула что-то на ушко, хотя сама всегда учила, что неприлично шептаться в набитой людьми комнате. Наверняка ещё в тот

момент, когда остальные пилили ножами стейки и ковыряли салат с ананасами, мама решила схитрить и сделать всё возможное, чтобы сын остался на ночь.

Конечно, она отвела для гостя одну из пустующих спален на втором этаже. Одну из тех, что обрастают пылью и ждут своего часа – пока кто-то не задержится в этом доме и не заполнит её пустоты своим пребыванием. Мама не могла привести взрослого Джонатана в его детскую комнату, из которой сотворили целый алтарь для поклонений. Там ничего не трогали с той самой пятницы пятнадцать лет назад. Поначалу верили, что брат вернётся, потом вера обратилась смиренной скорбью. Вещи Джонатана мрачным воспоминанием остались в той самой комнате. Хранители его присутствия, его запахов, что с годами становились всё иллюзорнее, пока полностью не выветрились из наволочки, гардероба и самих стен. Какое-то время мама даже просила Констанс покупать один и тот же детский шампунь с лимоном, которым мылся маленький Джонатан, и оставлять его в комнате, в открытой ёмкости, чтобы вернуть родные запахи.

Мама никого не пускала в своё святилище, да и сама обходила его стороной, пока не доходила до крайней точки кипения своей печали. Тогда мы с отцом находили её на кровати, обложенной вещами своего мальчика. Она засыпала с футболками Джонатана в обнимку и тем самым медвежонком Ленни, что выцвел от солнечных лучей и стирок. Даже тысячи оборотов стиральной машинки и десятки килограмм

порошка не смогли бы выстирать воспоминания.

Марк сжал мою руку и объявил:

– А мы, наверное, пойдём. Машину я заберу завтра, а то сегодня немного перебрал.

– Не может быть и речи! – Остановила его мама. – Это не обсуждается, вы тоже остаётесь. Наконец-то вся семья собралась под одной крышей. Я вас не отпущу. А на завтрак Констанс приготовит нам пудинг и сырные сэндвичи… Помните? Мария всегда подавала их перед школой…

Имя Марии напомнило всем о трагедии прошлого, и гостиная заледенела тишиной, точно все собравшиеся решили почтить память няни минутой молчания.

Выбора не оставалось, да мы с Марком и не особенно сопротивлялись. Я уже несколько месяцев не ночевала в доме своего детства, тем более с братом за стенкой. Все горячо распрощались и разошлись по спальням, бросив гостиную в неподобающем виде, так что бедной Констанс пришлось забыть о сне и разгребать пепел от сигар отца, винные круги от бокалов на журнальном столике, за которые при других обстоятельствах мама бы точно кого-то убила, гасить камин и мыть посуду.

Сколько бы времени ни было на часах, сколько бы глотков виски он ни сделал, но Марк даже после полуночи умудрялся отвлекаться на работу, так что я оставила его ненадолго и спустилась вниз помочь доброй женщине, к которой в особняке Лодердейлов относились с уважением, но не всегда с

добротой.

– Что вы, мисс Лодердейл. – Устало и немного испуганно возразила она, когда я встала у раковины и принялась споласкивать тарелки перед отправкой в посудомойку. Мы обе знали, что мама пришла бы в неудовольствие от того, что её дочь помогает прислуге. Но она давно забылась сном на своей мягкой перине и не могла нас видеть. – Я сама всё уберу.

– Сара. – Напомнила я ей, не отрываясь от посуды. – И это меньшее, чем я могу вам помочь. Сегодня мы вас утомили.

– Ну что вы. – Отмахнулась Констанс, убирая закуски в холодильник и протирая столешницы. – Я так рада и всё ещё не могу поверить, что мистер Лодердейл вернулся.

Мистер Лодердейл… Обычно в этом доме так называли лишь отца, но пора привыкать, что теперь их будет двое.

– Я тоже. – Согласилась я, закрыла посудомойку и включила её. В моей квартире не было помощниц, вроде домработницы или посудомоечной машины. Мне нравилось самой мыть посуду и прибираться в своём гнёздышке, пусть с семейными деньгами я могла никогда в жизни больше не хлопотать по дому.

– Я не была знакома с вашим братом. – Доверительно заговорила Констанс, когда кухня заблестела чистотой. – Могу я задать вам вопрос, мисс… Сара?

– Конечно.

Женщина смутилась и понизила голос, точно собиралась произнести нечто непристойное.

– Вы верите этому человеку?

Вопрос на миллион, которого я боялась, как обгоревший – открытого пламени. Этот вечер… что ж, он стал откровением, важным моментом для моей семьи. Но как любое наливное яблоко, провисевшее слишком долго на дереве, в нём завелись вертлявые черви подозрений. И они отравляли нектар своей гнусностью, как сомнения отравляли мою веру.

Я прикрыла дверь, чтобы чужие уши не уловили наших откровений, и застыла у окна, боясь взглянуть Констанс в глаза и показать своё недоверие.

– Я хочу ему верить. – Сказала я. – Но пока не решила, стану ли. Всё, что говорит этот человек, звучит как правда.

– Но вы сомневаетесь?

– И имею на это право. Мой брат исчез пятнадцать лет назад, и ни одна живая душа не знала, что с ним. И тут он заявляется на порог, чудесным образом вернув себе память. Звучит слишком хорошо, но в то же время… никто не смог бы вспомнить столько личных моментов, как он. И ещё этот шрам и ожог… Я не знаю, чему верить. – Я вздохнула и всё же посмотрела на Констанс, которая явно разделяла мои убеждения. – Могу я попросить вас не передавать маме то, что я вам сказала?

Она кивнула с самозабвением и готовностью услужить.

– И ещё… Присмотрите за моей мамой, пока этот человек рядом. – От собственных слов мне стало не по себе. – Вы глаза и уши этого дома. Надеюсь, вы заметите и услышите

то, что упустим мы.

– Ваша семья для меня, как родная, Сара. – Сердечно созналась Констанс, хотя за все годы работы на мою мать натерпелась всякого. – И я присмотрю за каждым из нас. Вы можете на меня положиться.

– Спасибо, Констанс. А теперь, отправляйтесь отдыхать. Вы устали.

Я тронула её за плечо и вышла из кухни, не сказав самого главного. Констанс – не просто глаза и уши этого дома. Порой мне казалось, что она – его сердце.

Марк уже разобрался с делами и залез под пышное одеяло. Ночник на прикроватной тумбочке бросал тусклые отблески на его прекрасное лицо.

– Я тебя заждался. – Пробормотал он так сладко, что мне тут же захотелось его поцеловать. – Где ты пропадала?

– Помогала Констанс внизу. Этот вечер утомил всех нас.

Я развесила брюки и блузку в шкафу и в одном белье скользнула к жениху. Тепло его тела тут же согрело и прогнало все страхи прочь. Марк издал звук, похожий на полусвист, полувыдох.

– Да уж… Невероятно! Твой брат вернулся. Я всё ещё не могу это осмыслить.

– Я тоже. В голове не укладывается.

– Мне он понравился.

– Можно сказать, что я узнавала его заново, так что мне тоже. Но…

– Что «но»?

Марк напрягся всем телом, и тепло словно остыло.

– Всё это кажется слишком фантастическим. Потеря памяти, новая жизнь… – Я выдохнула напряжение в потолок. Марк – не родители, от него можно не скрывать своих истинных чувств. Если уж я не могу обнажить перед женихом не только тело, но и душу, к чему всё это? – А что, если он окажется мошенником?

– Он ведь твой брат, ты должна радоваться его возвращению. – Сказал он. – Он ведь рассказал вам то, что знала только ваша семья. Ни один мошенник не смог бы узнать такие мелочи. Да и внешность… Сейчас столько программ, которые могут состарить фотографию. Можем попробовать, и ты увидишь поразительное сходство! Я знаю, для тебя это как снег на голову, – Марк нежно погладил моё плечо. – Но я уверен, что он именно тот, кем кажется.

– Может, ты и прав.

– Конечно, прав. Если бы мне посчастливилось иметь брата, я бы не думая принял его назад в семью. А теперь давай больше не будем о твоём брате. – Марк притянул меня к себе и начал медленно целовать. – Я соскучился. И хочу, чтобы теперь были только мы.

Глава 7

В обычной семье как только рождается ребёнок, родители тут же укутывают его в одеяло любви, обзванивают родственников с радостной вестью и предвкушают будущее.

Но Лодердейлы перестали быть обычной семьёй, как только разбогатели. Моя мама едва отошла от родов, как приказала своей помощнице из фонда пустить заметку в газету о пополнении в роду Лодердейлов. А отец открыл счёт на моё имя, куда сразу же упало несколько миллионов. То же самое они проделали и во второй раз, когда впервые раздался плач Джонатана.

С годами счета пополнялись всё новыми и новыми цифрами. К совершеннолетию каждый из нас мог вступить в право владения этими деньгами и пустить их на то, что посчитает нужным. Выкупить чью-нибудь компанию, приобрести недвижимость в любой точке мира, раздать бедным. Всё, что мы с Джонатаном пожелаем. На нас не давили обязательствами, не принуждали продолжать отцовское дело и наследовать «Лодердейл Корп» после того, как отец отойдёт от дел и захочет побездельничать на пенсии.

Когда я не оправдала маминых надежд – не стала балериной, скрипачкой или наездницей с коллекцией золотых кубков – она отвела мне другую роль. Жены какого-нибудь успешного бизнесмена с видным именем, пусть и с неприме-

чательной внешностью. Но в мои планы не входило выскакивать замуж за первого встречного и всю оставшуюся жизнь создавать вид бурной деятельности, как делала это Вирджиния Лодердейл.

Ещё в двенадцать я знала, кем хочу стать. А в восемнадцать – как распорядиться отложенными деньгами. Такой баснословной суммы хватило бы на то, чтобы купить небольшой швейный завод, но я потратила лишь часть денег и открыла магазинчик одежды. До Миуччи Прада или Стеллы Маккартни мне было далеко, но я хотела создавать свои эскизы и шить уникальные вещи, а не штамповать их на конвейере.

Мне повезло – у меня в руках оказалось всё необходимое, чтобы осуществить задуманное. Воображение, любовь к дизайну – не зря же я годами посещала клуб юных модельеров! – образование и, конечно, стартовый капитал. Получив диплом, я вернулась из Нью-Йорка с энтузиазмом скорее приняться за дело, но без жениха, что сильно разочаровало маму. Зато отец поддерживал все мои начинания, хотя бы душевно, ведь я просила не встревать и позволить мне всего добиться самой. Немного лицемерная просьба, ведь я пускала в оборот семейные деньги. Но кто жалуется на слишком яркое сияние, родившись под счастливой звездой?

Несколько месяцев и тысячи убитых нервных клеток ушло на то, чтобы исполнить мечту. Я арендовала помещение для работы, выкупила магазинчик в Мид Таун Бельве-

дер, прямо за бутиком «Эрмес», наняла штат людей. Отбирала каждого с противной дотошностью – мне не нужны были шаблонные работники. Только энтузиасты, которые вкладывали душу в любимое дело, как и я сама.

Так на горизонте Балтимора возник «Нюаж». В переводе с французского – «Облако». Никакого потаённого смысла, но ведь главное в названии – запоминающаяся простота.

Место с особым шармом для женщин с особым вкусом. Мы не клонировали коллекцию сотнями экземпляров. Каждая вещь шилась вручную лучшими мастерами, которых я отобрала. Иногда на заказ. Я рисовала эскизы, представляла на общем совещании и, после вереницы замечаний и предложений, мы воплощали идею в жизнь. Мне нравилось считать себя хорошей начальницей. Не из тех, что считают себя правыми во всём, не из тех, что обламывают крылья своим сотрудникам.

Я уважала мнение каждого и прислушивалась даже к портнихам низшего звена, что успели отработать лишь неделю в «Нюаж». Давала им высказаться, помогала проложить дорожку вверх.

Когда Люси Браун, моего лучшего конструктора одежды переманивали в «Кэльвин Кляйн», я сделала всё от меня зависящее, чтобы уговорить её остаться. Но Люси двумя предложениями убедила меня, что там ей будет лучше, это то, о чём она и мечтать не могла, и я отпустила её с чистым сердцем. Подбодрила благодарственным гонораром, написа-

ла блестящие рекомендации и пообещала, что, если передумает, в «Нюаж» её всегда будут ждать.

Когда у нашего торгового представителя Синди Барнс заболела мать, я без лишних вопросов выделила ей деньги на операцию. Мама Синди поправилась и натолкнула меня на мысль учредить собственный фонд, из которого бы сотрудники получали материальную помощь в случае таких вот превратностей судьбы.

Я хотела создать из своего магазина нечто особенное, как для покупательниц, так и для работников. Поэтому поддержала Клэр, нашего консультанта, когда одна высокомерная дамочка из свиты Хэмпдена накинулась на неё, и вступилась за своего человека в ущерб бизнесу. Я не боялась потерять клиента, а преданность сотрудников ценила выше всего остального. И была предана им так же сильно, как они мне.

Бизнес процветал и без влияния отца. Нашими клиентками в основном были зажиточные женщины из высшего общества, из маминого круга общения, поэтому платья и костюмы ручной работы окупались сполна. Через год я открыла ещё два магазина в Бейвью и Карролтон Ридж и принялась за разработку новой идеи. Мне не нравилось, что нашу одежду могли носить лишь богачи, ведь выглядеть хорошо хочет любая женщина, неважно, сидит она в золотых хоромах на содержании мужа-миллионера или впахивает на двух работах, чтобы прокормить семью.

Ближе к окраине, в Вудберри открылся ещё один ми-

ни-филиал «Нюаж». Новый типаж старого образца. Красивые вещи, которые могли позволить себе женщины из среднего класса. Мы снизили затраты на пошив, выбрали ткани подешевле, но не изменили качеству, так что теперь любая могла примерить на себя модную одежду. Это не только успокоило мою душу, но и подняло рейтинги «Нюаж». Мы забрались так же высоко, как бутики «Майкл Корс», «Зара» и «Перри Эллис», но не оставили своих почитателей внизу и предложили забраться так же высоко, нося нашу продукцию.

Я купила квартиру в Грейсленд Парке. Скромную обитель из двух комнат, гостиной и кухни, с балкончиком с видом на живописный сквер. Мама морщила нос при виде простоты её обстановки, но мне нравилось. Никакой дизайнер не подбирал для меня цвет стен или шторы, а потому квартира полностью переняла мой дух и мой стиль.

Сколько раз мама пыталась навязать дочерей своих якобы подруг мне в подручные. Шейлу Лэнсберри, ту самую завистницу из школы. Амелию и Тиффани, которых я на дух не переносила, но пару раз в месяц терпела на общих сборищах в гостях, от визита куда мне было никак не отвертеться. Любая из них только бы мешалась под ногами. Они привыкли получать всё, топнув ножкой в «Лабутенах», а в «Нюаж» такие не нужны. Мне проще и гораздо приятнее было набрать людей с «улицы», но близких себе по духу. С кем я могла пошутить и посмеяться, обсудить книги, а не только последнюю коллекцию «Шанель», за которой Шейла, Аме-

лия или Тиффани летали личным самолётом папочек.

Так я и познакомилась с Оливией Грин. Нашей встречи не состоялось бы, если бы звёзды не выстраивали траектории судеб так, как им угодно. Так, как нужно нам.

Оливия не проходила собеседование и не оставляла своё резюме. Она просто зашла в бутик «Нюаж» в Бейвью, чтобы примерить наряд из «Инстаграм[1]» для свадьбы кузины. Простое, летящее платье-бюстье в пол из невесомого атласа, с вырезом-сердечком, открытой спиной и ниспадающими рукавами. Это платье стало любовью всей моей коллекции за много лет, ведь именно из-за него мы с Лив стали сперва коллегами, а потом и подругами.

После первой же примерки Оливия купила платье не задумываясь. А через неделю за таким же платьем зашла ещё одна девушка. К обеду – ещё две. К вечеру у нас насобиралась целая очередь желающих купить это платье. Целая очередь заявок на пошив платья одной и той же модели. Ажиотаж польстил мне, ведь именно я создала эскиз, но и вызвал любопытство: почему все девушки Балтимора захотели его именно сейчас.

– Это всё та девушка. – Как-то подсказала Клэр, оформляя всё новые и новые заказы. Так как все наши платья шились вручную, моим портнихам грозила ни одна бессонная ночь.

– Какая девушка? – Переспросила я сотрудницу.

---

[1] Запрещённая социальная сеть на территории Российской Федерации.

– На прошлой неделе это платье купила фотограф из «Би Вумен».

Я не почитательница глянцевых изданий, но старалась держать руку на пульсе и быть в курсе последних модных тенденций, которые освещались как раз-таки в журнале «Би Вумен».

– Взгляните. – Клэр развернула ко мне ноутбук. – Это статья в последнем выпуске.

Я пробежалась глазами по буквам, что складывались в очерк о подружках невесты и о том, как сложно порой найти подходящий наряд. В конце красовалась целая фото-галерея, и наше платье по-царски её возглавляло. Внизу – пометка о магазине «Нюаж» и адреса, где можно его приобрести.

Все фотографии были такими шикарными, что захотелось тут же надеть это платье – не удивительно, что у нас появилось столько заказов. В моей команде уже был фотограф, но ни одна его работа не выглядела так подкупающе, завораживающе и шикарно.

Тем же вечером я связалась с «Би Вумен» и попросила телефон их фотографа.

– Какой именно вам нужен? – Спросила меня вежливая девушка. – У нас в штате семь фотографов.

Я растерялась и сказала лишь то, что это девушка, и что она снимала платья для статьи о подружках невесты в последнем номере.

– А, должно быть, вы ищите Оливию Грин. – И я записала

номер, встретилась с Оливией за ланчем и тут же влюбилась. В её работы, что успела просмотреть перед встречей. В её весёлый характер и милую улыбку. В то, как она посёрбывала кофе. Я поняла: во что бы то ни стало должна заманить её в «Нюаж».

Сильно стараться и не пришлось. Уже за ланчем Ливви призналась:

– Мне нравится работать на «Би Вумен», но каждый раз приходиться состязаться с остальными фотографами ради фотосессий. А мне надоело состязаться. Хочу делать свою работу и получать удовольствие.

Через неделю Оливия Грин официально перешла работать в «Нюаж», а ещё через пару месяцев официально стала моей подругой. Я доверяла ей, как себе. Даже шутила иногда, что если однажды устану от компании, то оставлю весь бизнес ей. В каждой шутке есть доля правды, ведь так? И лучшей кандидатуры на мою замену я бы ни за что не нашла. Пусть она не знала тонкостей бизнеса, но зато я могла ей доверять. А порой, доверие важнее акульей хватки.

Лив лишь отшучивалась.

– Я умею выбирать нужный ракурс и нажимать на кнопку. – Говорила она. – Но никак не управлять целой фабрикой и двумя магазинами. Слишком большая ответственность для такого безответственного человека, как я.

Поэтому, когда на следующий день после семейного ужина в доме родителей, я вошла в офис на Гудзон-стрит в Кан-

тоне, Оливия уже поджидала меня в кабинете с широко распахнутыми глазами.

– Ты не шутила, когда сказала, что брат вернулся? – Сходу выпалила она, не успела я повесить пальто в шкаф и сесть в кресло напротив.

Вчера я послала ей сообщение с новостью и получила двадцать в ответ, но пообещала объяснить всё при встрече. Оливия знала моего брата так же хорошо, как я сама, ведь я столько рассказывала о нём.

– Нет. Никаких шуток. Всё правда.

– Чёрт. – Протянула Лив своё любимое словечко. «Чёрт» слетало с её пухлых, чувственных губ чаще, чем в метро объявляли станцию. И неважно, адресовалось оно норковой шубке за шесть тысяч долларов, проходящему мимо красавцу или забытой дома помаде. – Это просто снос башки! Как ты не грохнулась в обморок прямо там? И что, он просто позвонил в дверь, и вы его пустили? Усадили за стол и устроили чаепитие?

Заметив моё недоумение её догадливости, Лив усмехнулась:

– Что? Я слишком хорошо знаю твою маму.

– Я хотела прогнать его. – Картинки вчерашнего вечера воспроизводились по второму кругу, словно кто-то перемотал старую видеокассету на самое начало и нажал «плей». – Но он стал засыпать меня воспоминаниями, которые никто не мог знать. Никто, только Джонатан и родители. – Я улыб-

нулась своим мыслям. – Он даже припомнил случай, когда я случайно разбила китайскую вазу во дворе и насочиняла, что к нам забрался енот.

Лив захохотала так заливисто, что я не могла не подхватить её веселье. Так мы всегда ловили одну волну.

– Об этом случае не знал никто, даже Мария. Только я и Джонатан.

– Жуть какая.

– Он завладел моим вниманием, и я уже не смогла просто так прогнать его. А потом всё завертелось и стало слишком поздно.

Я рассказала, как отец закончил улаживать рабочие вопросы и вышел на голоса. Сказал, что слышал звонок и поприветствовал гостя с учтивостью доброго хозяина, даже не подозревая, кто стоит перед ним. Как он побледнел и облокотился о колонну, когда мы объяснили ситуацию. Как Констанс сбегала за виски и наполнила стакан до самого края, хотя обычно отец наливал на два пальца. Как он осушил янтарную жидкость и даже не поморщился, а потом устроил повторный допрос и услышал всё то же самое, что и я.

Как мы поверили и двадцать минут подготавливали маму к встрече с Джонатаном. Как она сбежала с лестницы, хотя никогда не нарушала скоростной режим в доме. И даже как Джонатан слезливо улыбнулся ей и сказал:

– А в детстве ты сама нас гоняла, если мы бегали в доме.

Мама чуть не шлёпнулась в обморок. Ей понадобилось

три пары рук, чтобы усесться на диван гостиной, три таблетки успокоительного и, как мне показалось, всего один взгляд, чтобы понять. Это её сын. Её мальчик, который пропал пятнадцать лет назад.

– Настоящая Санта-Барбара. – Умозаключила Оливия. – Не верится просто… И где он сейчас?

– Мама заставила нас всех ночевать в доме. А утром мы завтракали, словно одна большая образцовая семья. Папа взял Джонатана с собой на работу, показать ему фирму и заодно представить коллегам.

– Вот так сразу? – Опешила Оливия. – Это конечно не моё дело, но стоит ли доверять незнакомцу, не проверив его? Твой отец ведь благоразумный человек. Он не должен поступать так опрометчиво и подпускать кого-то так близко, даже не убедившись в добрых намерениях заранее.

Вот за это мне тогда и понравилась Оливия Грин. За это я предложила ей кое-что получше нестабильности в «Би Вумен» и переменной оплаты. За то, что она не боялась говорить правду в лицо. А такие люди – кладезь для бизнеса. Я была благодарна броской критике нашего оформления сайта и каталогов, дельному упрёку в адрес старого фотографа и ярким идеям, как всё это исправить. А сейчас была благодарна за то, что Лив не скрывала того, что думает о сложившейся ситуации. Я нуждалась в искреннем мнении со стороны, а не в подхалимстве, лишь бы не обидеть.

– Утром я пыталась намекнуть отцу, что не следует так

торопить события, но он не хотел ничего слушать.

Пока мама, Марк и Джонатан стайкой группировались за стенкой и усаживались к завтраку, я тихонько вошла в кабинет отца. Он уже был при параде: белая рубашка, идеально выбритые щёки, расправленные плечи, готовые к бою.

– Сара, я уже иду. – Отозвался папа, заметив меня в дверях, но я пришла к нему не за тем, чтобы позвать к завтраку. Прикрыв дверь, чтобы никто из домашних не расслышал разговора, я спросила отца в лоб. Он тоже любил тех, кто с ним откровенен. Уважал честность больше других качеств.

– Папа, я хотела поговорить с тобой о Джонатане…

Он накинул пиджак, а я подошла, чтобы разгладить его на папиной уже не молодой, но крепкой спине.

– Не слишком ли мы торопимся, так быстро впуская этого человека в семью? Мамину беспечную радость я могу понять, но ты…

– Не волнуйся, милая. – Мягко откликнулся отец так, словно у него всё было под контролем. – Не думаешь же ты, что я такой идиот и впущу в дом первого встречного?

Именно так я и подумала, когда вчера Джонатана обхаживали, как полноценного члена семьи.

– Ещё до того, как твоя мама предложила ему остаться на ночь, я связался с майором Гувером и попросил пробить человека по имени Мэтью Дэвин из Форт-Уэрта. Он был рад оказать мне услугу и прислал *это* через тридцать минут по факсу.

Папа постучал пальцем по бумажкам на столе. Я взяла всю стопку и просмотрела. Целое досье на человека, назвавшегося моим братом! Майор Гувер, тот самый, что пятнадцать лет назад отправился на поиски пропавшего сына Лодердейлов в звании капитана, всё ещё занимал свой пост в полицейском участке Хэмпдена, но уже как руководитель и вскоре собирался отправиться на пенсию. С отцом у него сложились добрые, деловые отношения, так что его просьбу он выполнил с самоотдачей, хотя на часах уже маячил поздний вечер.

Пока я листала собранные документы, отец заговорил:

– Там всё. Копия паспорта на имя Мэтью Дэвина, сведения о семье и месте жительства. Отчёты полиции о мальчике из больницы, который не помнил кто он и откуда. Вырезки из газет с объявлениями о пропаже ребёнка. Медицинская карта с первой записью о сотрясении мозга. Кое-какие фотографии. Диплом об окончании школы в Форт-Уэрте и Техасского университета в Остине. Свидетельства о смерти его родителей, Сидни и Клиффорда Дэвин. Чеки за посещение психотерапевта.

Я не могла поверить, что держу чью-то жизнь в руках. Что чья-то жизнь вообще могла уместиться на десяти страницах. Что так сомневалась в отце, хотя он не поддался эмоциям. Здесь было всё, о чём рассказывал Джонатан. Полное подтверждение его слов, но что-то не давало мне покоя.

– Но ведь это всё объясняет, разве нет? – Спросила Оливия.

– Да, но… Всё это слишком чудесно, чтобы быть правдой. Когда Джонатан вернулся в нашу жизнь, родители забыли о всяком благоразумии. Только Констанс на моей стороне.

– А ты? – Осторожно спросила Оливия, подсев ко мне, на перила громадного кресла. – *Ты* веришь ему, Сара?

– Ты третий человек, кто спрашивает меня. – Усмехнулась я совсем не весело.

– И что же ты отвечаешь?

– Что любое доверие нужно заслужить.

Я встретилась с подругой глазами, ища поддержки.

– Я собираюсь проверить его. Узнать всё о человеке, что представился моим братом.

Хорошие сёстры так не поступают. Как и хорошие дочери. Я собиралась действовать за спиной родителей, рискуя подорвать их веру, их надежду на чудо. Если я что-то накопаю на этого Джонатана, я вскрою затянувшиеся раны и пущу свежую кровь. И в этот раз они могут не зажить.

Я думала, Лив начнёт меня осуждать. Но та сжала моё плечо и спросила:

– Я могу тебе чем-то помочь?

– Пока не знаю. Лишь попрошу тебя сохранить наш разговор втайне от родителей. Не хочу поднимать цунами на ровном месте.

– Это я могу. Но как ты собираешься искать доказательства?

Как раз вовремя пришло сообщение от Ричарда.

Мы можем встретиться? Я кое-что нашёл.

Сердце заиграло тревожный мотив. Ричард мог найти одно из двух. Доказательства, что Джонатан – действительно мой брат. Или улики, что не одна я играю нечестно.

Глава 8

Ресторан «Эль Сальвадор» махал своими зелёными навесами, словно ни ветер игрался с лёгкой тканью, а он приветствовал меня и заманивал зайти внутрь. Погреться улыбкой хостес и заесть тревогу сытным обедом из трёх блюд.

Но я лукаво послала его уловки куда подальше и подошла к фургончику с хот-догами напротив. Знакомый продавец с редкой бородкой, похоже, узнал меня, потому что самодовольно ухмыльнулся в облаке пара. Ему польстило, что девушка в дорогом пальто с сумочкой «Прада» уже второй день подряд выбирает его уличную еду вместо изыска итальянской кухни.

Я не стала заново изучать меню – в субботу на улице собралось много желающих согреться горячим хот-догом, так что я повторила вчерашний заказ.

– Два хот-дога, пожалуйста. – Перекричала я ветер, что сегодня разошёлся не на шутку. – «По-кливлендски» и «По-итальянски».

– Будет сделано!

– И как вы только не окоченели на таком холоде? – Изумилась я, растирая леденящие мурашки на плечах руками. Они забрались туда даже под плотный драп пальто.

– Видите, сколько людей нужно накормить? – Ухмыльнулся он, выкладывая сосиски на жаровню и тыкая лопаточкой

в очередь. – Разве я могу оставить их голодными? А помощь другим согревает получше вашего пальто.

Его слова не звучали оскорблением. Скорее мудростью. Забавно, что меня поучал повар уличной забегаловки, но ведь самые важные уроки нам преподают не в школе и даже не в университетах.

Пока я ждала свой заказ, успела продрогнуть от ветра и тревоги. Просмотрела рабочую почту, но мысленно возвращалась к сообщению Ричарда. *Я кое-что нашёл*. Ричард Клейтон – первоклассный детектив. Если кто-то и мог накопать грязи, то это он, потому что орудовал лопатой быстро и ловко, а ещё зарывался глубоко. Майор Гувер за полчаса нашёл всю нужную информацию о Джонатане, вернее, Мэтте Дэвине, которым тот был пятнадцать лет. Сколько можно найти за сутки?

После той ободряющей беседы на лестнице пятнадцать лет назад, Ричард стал для меня кем-то вроде хранителя. Бывают люди, к которым прикипаешь всей душой после пяти минут, проведённых рядом. Чувствуешь связь, и пусть наша связь с Ричардом разорвалась уже давно, любую порванную вещь можно искусно зашить. Я знаю, ведь посвятила этому делу всю себя. И неплохо управляюсь с нитками.

Никто из следователей в тот день даже не подумал расспросить меня о брате. Задали лишь пару избитых вопросов: где я видела его в последний раз, куда он мог пойти, не говорил ли он, куда няня поведёт его после школы. А потом

меня забросили, как ненужную вещицу, от которой пользы не больше, чем от сломанного тостера.

Но только не Ричард. В то далёкое время ему было двадцать четыре, и он служил обычным офицером в полиции Хэмпдена. Как я узнала потом, Джонатан стал его первым делом о возможном похищении. На расследование этой теории бросили все силы и даже не подумали заняться другими.

Ричарда поставили заниматься опросом учителей и одноклассников Джонатана, но, вернувшись ни с чем, он единственный направился ко мне. Всё то, что я ему рассказала, никак не помогло следствию, но помогло Ричарду узнать моего брата получше. И только из-за этого я доверяла офицеру Клейтону больше остальных.

Когда страсти улеглись, похитители так и не связались с родителями, он всё равно заезжал к нам каждый день, чтобы проверить нас и заодно ввести в курс дела. Я любила, когда Ричард к нам заходил, и ждала этих часов, потому что он наполнял дом светом, который давно погас. Даже отец заметил, что я доверяю этому человеку, а потому обратился к капитану Гуверу с личной просьбой приставить офицера Клейтона ко мне на какое-то время. На случай, если похитители вернуться.

Полгода я была узницей, каждый шаг которой отслеживался. Из дома выходила лишь в школу и изредка в кино или торговые центры, но рядом со мной всегда находился мистер Рено и офицер Клейтон. Два человека, заслужившие доверие

отца. С ними было спокойно, но не особенно весело. Мистер Рено уже несколько лет занимал должность водителя в семье Лодердейлов и браво чтил законы матери, где чёрным по белому красовалось правило о том, что прислуга не может числиться среди близких приятелей. Потому он просто возил меня из одного пункта в другой и хранил верность молчанию, точно монашеский обет.

А Ричард слишком заботился о моей безопасности и уделял больше внимания окружающей обстановке, хотя часто встревал со мной в длинные беседы и никогда не разговаривал, как с ребёнком, которым я, по сути, и была.

Папа забывался работой, мама – своим горем. Не выбиралась из спальни и выживала лишь благодаря Констанс, которую отец нанял ей в услужение по рекомендациям кого-то из загородного клуба. Пятнадцатого сентября я потеряла не только брата, но и всю семью, так что забота Ричарда последней ниточкой держала меня наплаву. Он ездил со мной на заднем сидении, ходил по пятам в магазинах и порой даже составлял компанию за ужином, если Констанс не удавалось уговорить маму спуститься. Не хотела оставлять меня в одиночестве. И Ричард никогда не отказывал. И даже когда мама резко выскользнула из пижамы прямиком в свои дизайнерские наряды, ударилась в светскую жизнь, чтобы по примеру отца притупить боль движением, её всё равно никогда не было рядом. А Ричард был.

Порой меня смущали наши странные отношения. Я пони-

мала, что этот молодой полицейский возится со мной не по доброте душевной, а по приказу капитана Гувера, который не хотел портить отношения ни с Роджером Лодердейлом, ни с мэром – два оплота, спонсирующих и управляющих городом. Я была для Ричарда Клейтона работой, даже скорее, обузой, но он никогда этого не показывал.

В двадцать четыре года он ходил в рядовых, когда через год многие полицейские уже получают звания. Ему бы гоняться за преступниками, раскрывать сложные дела, а не якшаться с малолеткой и попутно заниматься проигрышным делом пропавшего ребёнка миллионера. Ричард пошёл в полицию после срока в армии, потому казался стариком на фоне зелёных новичков. Но мой отец умел разглядеть достойного человека и надёжного служащего за обликом неопытности.

Через полгода угроза миновала – ни намёка, что на меня собираются покуситься, как на Джонатана. И Ричарда отозвали из моих личных телохранителей. Наконец он смог заниматься стоящими расследованиями и набивать себе цену в полиции, но Джонатана он так и не бросил. Изредка заглядывал в гости и сообщал родителям всё, что смог обнаружить о моём брате, хоть это и были жалкие крохи, которыми и колибри не наестся. Или вовсе ничего. Но он не мог вот так просто оставить нашу семью и шёл по следу, который давно вытоптали тысячи ног. И не бросал нас.

Постепенно для полиции Балтимора поиски Джонатана

Лодердейла, пусть бы он был сыном самого мэра, отошли на задний план. Капитан Гувер просто не мог больше выделять столько средств налогоплательщиков на охоту за призраками, когда гражданам грозила реальная опасность. В тот год на окраине города во Франклинтауне прокатилась серия убийств, а филиал федерального банка в Ашбертоне захватил отряд вооружённых грабителей с автоматами. Невиданные события для Балтимора. Все силы бросили на расследования повышенной важности, и Джонатан перестал быть важным для всех вокруг. Кроме моей семьи и Ричарда.

Клейтон продолжал навещать нас и тратил своё свободное время на сведение концов с концами, хотя те не желали сходиться. Не знаю, чем его так зацепило исчезновение моего брата, но он не мог отпустить его, как и мы. И тогда мама уговорила отца сделать кое-что для человека, который делал *всё* для её сына. А в те месяцы отец был готов на что угодно, лишь бы угодить маме. Лишь бы облегчить её страдания.

Пока я пробивалась сквозь стену ветра к парку Честервуд с двумя хот-догами наперевес, я вспоминала те далёкие годы. Некоторые воспоминания теряются под толщей лет, другие – дрейфуют на поверхности и постоянно бросаются в глаза. От некоторых даже рябит. Все эти события привели нас в эту точку. К уже знакомой скамейке в самом начале желтеющего парка.

Ричард уже поджидал меня и с пытливостью стороннего наблюдателя посматривал на жизнь кругом.

– Я снова опоздала. – Вторглась я в его наблюдение. – Извините, обычно я намного пунктуальнее.

Моя неискоренимая черта – шутить, когда мною овладевает волнение – появлялась, когда никто не просил. Ричард обернулся и утопил меня в своих внимательных глазах, что так гармонировали с палитрой сентября.

– Это вам. – Протянула я ему хот-дог «По-кливлендски». – В качестве извинения. Правда, пока я дошла сюда, он уже наверняка остыл.

Температура на улице не добиралась и до двенадцати градусов, но лёгкая улыбка Ричарда тут же подняла её показатели на несколько делений выше.

– Вы решили меня откормить? – Усмехнулся он.

– Это не вам влезать в свадебное платье.

При упоминании о свадьбе Ричард как-то померк, как закатное солнце, что, зевая, встречается с горизонтом. Я присела рядом и подметила, что сегодня детектив, как и я, пришёл не с пустыми руками. Чёрная папка лежала на скамейке и очерчивала границы между нами.

– В прошлый раз я даже не поинтересовался, как идёт подготовка. – Заговорил Ричард уже не так тепло, а я не могла понять, откуда в нём появился этот холодок. – Невежливо с моей стороны.

Но я постаралась вернуть нашу беседу в тёплые воды.

– Что вы, вы и не обязаны. В свадебных хлопотах нет ничего интересного. Сплошной стресс и споры с мамой, кото-

рой всё это нужно больше, чем мне.

Ричард удивлённо вскинул бровь, но расспрашивать не стал и откусил хот-дог. Мы молча принялись за еду, не желая начинать тот самый разговор, ради которого здесь, собственно, и собрались. Когда салфетки полетели в мусорку, увиливать больше не было смысла.

– Ваша мама звонила утром с хорошими новостями и сказала, что мои услуги больше не нужны. Как вы, Сара? Как ваши родители? – С искренней заботой спросил Ричард, кутаясь в своё тёмно-серое пальто.

Сегодня он оделся теплее, хотя казалось, что его мощной фигуре не страшны ни ветер, ни холод. Ему очень шёл этот кашемировый шарф и плотное пальто, подчёркивающее широту плеч. Ни один женский взгляд он притянул, пока шёл по улице к месту назначения. Ричард Клейтон не был похож ни на одного частного детектива, которых показывают в кино. Скорее на владельца холдинга или успешного корпоративного адвоката, в чьих клиентах водятся городские шишки.

Пятнадцать лет назад мои родители предложили Ричарду выгодную сделку. Он продолжает заниматься расследованием исчезновения сына, они – платят ему гонорар из своего кармана. Гонорар, который не заработать обычному копу и за год службы на государство. В полиции Ричард исполнял второстепенные роли и вряд ли бы скоро оказался у руля, начиная свой путь в двадцать четыре года. Лодердейлы предлагали ему заниматься важным делом и работать на само-

го себя. Никаких отчётов, рапортов и амплуа «мальчика на побегушках». Они спонсировали открытие его детективного агентства.

Мне казалось, Ричард Клейтон не из тех, кто хватается за любые подачки, но почему-то он согласился. Ушёл из полиции через год службы, снял офис в деловом районе Балтимора и занялся стоящим делом. Брался за то, что стоило его внимания. Среди его клиентов водились все знакомые и приближённые Лодердейлов, отчего казна и карманы Ричарда всегда были полны. Но он никогда не забывал о простых людях, кому ни за что не оплатить услуги частного детектива, потому работал pro bono.

Первое время в агентстве трудился только Ричард и его приятель из участка Хэмпдена, которого тот переманил с собой. А теперь они разрослись и могли потягаться силами с самой полицией.

Мои родители указали Ричарду путь, а тот уверенно прошёл по нему, пока не добрался до того почётного места, на котором стоял сейчас. И за пятнадцать лет службы моим родителям Ричард Клейтон стал не просто детективом, работающим на них, но и хорошим другом. Потому перед тем, как достать из папки то, что он накопал на человека, выдающегося себя за моего брата, он не мог не спросить о моей семье.

Во второй раз повторив все события вчерашнего дня, я не могла не спросить:

– А как бы вы поступили на моём месте? Вы бы поверили?

– Доверяй, но проверяй.

– Нечто подобное сказала и я.

– Как бы ни хотелось надеяться на чудесное возвращение вашего брата, я бы не стал так просто верить незнакомцу на слово. Поверьте, я знаю, о чём говорю. За годы работы я столько людей повидал. В мире полно психов, полно аферистов, а ваша семья – лакомый кусочек если не для первых, то для вторых.

Я не хотела думать о таком повороте событий, но связь была очевидна.

– Думаете, этот человек здесь из-за денег отца?

– Я не знаю, Сара. Но это веский мотив пойти на обман.

– *Если* он обманывает. – Уточнила я, вспомнив про шрам, ожог, глаза Лодердейлов и счастливое детство бок о бок с братом. – Если вы так говорите, то что-то нашли.

– Нашёл. – Ричард протянул мне папку. – Но не то, что надеялся найти.

– В каком смысле?

В папке оказалось всё то же, что я уже видела утром в кабинете отца. Полное досье на Мэтью Дэвина из Форт-Уэрта, штат Техас.

– Майор Гувер собрал всё то же самое для отца. Это лишь подтверждает слова этого человека.

– Это лишь документы. – Возразил Ричард так, словно насобирал целую папку фантиков. – Я хотел показать вам их и спросить…

– О чём?

– Хотите ли вы, чтобы я продолжил искать? – Глаза Ричарда выжидательно впились в мои. – Я могу переговорить с тем самым психотерапевтом, с бывшей девушкой вашего так называемого брата, с полицией Форт-Уэрта. На это уйдёт время, но вы хотя бы будете знать наверняка.

– Как бы поступили вы?

– Не мне судить или раздавать вам советы.

– Я не прошу совета, просто интересуюсь, что бы сделали вы на моём месте?

Ричард задумался, глядя куда-то в землю. Пытался подобрать слова помягче?

– Сделал бы тест ДНК.

Из меня вырвался какой-то нечленораздельный звук. Так охают, когда кто-то во всю силу бьёт кулаком в живот. Конечно, Ричард Клейтон – матёрый сыщик, который пустил бы всю свою карьеру под откос и не раскрыл ни одного преступления, если бы верил на слово всем и каждому. Но ДНК-тест… звучало слишком серьёзно.

– Это самый надёжный способ узнать наверняка. Никакие слова или документы не дадут вам ответа точнее, чем гены.

– Мой отец ни за что не пойдёт на такое. Он хочет наладить связь с сыном, а не загубить всё с самого начала.

– А чего хотите вы? Я бы мог попросить знакомого эксперта сделать анализ, никто даже не узнает. Нужен всего лишь образец волоса или слюны…

Я на секунду задумалась, разглядывая фотографию Джонатана Лодердейла или Мэтта Дэвина, лежащую на коленях. Глаза, что казались такими родными, будто спрашивали меня: «Почему ты не доверяешь мне, сестрёнка?». У меня в руках оказались подробные доказательства того, что мой любимый брат, которого семья так долго оплакивала, вернулся, чтобы залечить наши раны. Я могла бы просто впустить его в своё сердце и позволить шрамам затянуться, а не вскрывать их снова и снова. Уже два отличных следователя заверили нас, что вчерашний гость – действительно Джонатан.

Джонатан… Наткнувшись на снимки брата в классном альбоме средней школы Форт-Уэрта, я провела пальцами по его лицу и мимолётно улыбнулась. Восьмой класс. Буйная шевелюра Лодердейлов торчит во все стороны. Тот самый шрам, из-за которого Джонатана дразнили в первом классе – интересно, дети постарше тоже издевались над ним из-за этого несовершенства? Ямочка на подбородке – точная копия папиной. Если я и представляла, каким он станет, когда подрастёт, то фотография передавала мои мысли с пугающей точностью.

Следующий кадр из школьного архива: Джонатан старше на два года. Возмужал и подрос, обогнал других ребят в классе. Кто-то сфотографировал команду по баскетболу, а мой брат сидит на трибуне в первом ряду. Он всегда больше любил пианино, чем мяч. Разве этот человек может лгать?

В голове закрутился калейдоскоп из детства. Мы с Джо-

натаном едим овсяное печенье с шоколадной крошкой, лезем на самое высокое дерево во дворе, запускаем воздушного змея. Неужели я готова стереть это всё из-за недоверия?

На кону – не просто парочка ушибов. А моя семья. Если я начну расследовать прошлое Джонатана, когда он предоставил мне столько убедительных доказательств, то я просто его потеряю.

Поэтому я закрыла папку и сказала:

– Нет. Оставим всё, как есть. Думаю, я… просто в шоке от того, что всё это может быть правдой.

– Понимаю. Значит, моя работа закончена. – Ричард поспешно поднялся, хотя мне бы хотелось ещё немного посидеть рядом. С ним сердце билось ровнее, на душе обитал покой. – Ваша мама больше не нуждается в моих услугах и ежемесячных встречах.

Я встала вслед за Ричардом, услышав в его словах прощание. Нас связывал лишь Джонатан. Его исчезновение и надежда отыскать хоть какой-то след. Но этот след сам привёл моего брата домой, так что больше мы с Ричардом не увидимся. На мгновение я почувствовала такую пустоту, как в колодце, куда меня бросили погибать.

– Вам не интересно узнать, что случилось с Марией Веракрус? – Задержала я его от того, чтобы уйти.

– Шутите? Я пятнадцать лет потратил на то, чтобы узнать, что случилось тогда. То, что ваш брат нашёлся, не остановит меня от поиска Марии. – Вот она, верность тому, кто нужда-

ется в помощи. – Но я гонялся за призраками, которые ничего не могли мне рассказать.

– Теперь в ваших руках есть призрак, который может сказать хоть что-то. – Подсказала я. – Может, Джонатан сумеет пролить свет на то, что случилось после школы. Вы ведь поговорите с ним? Мне тоже небезразлична судьба Марии. Она была моей няней, пела колыбельные на ночь, пекла мне печенье, в каком-то смысле заменяла мать.

Мне показалось, Ричард взглянул на меня совсем по-другому. Увидел что-то, скрытое от его глаз. Внезапно нас догнал ветряной шквал, что деревья вырывает с корнями. Ричард сделал шаг ко мне, заботливо закрывая собой от ледяной стужи. Сентябрь был явно чем-то недоволен и вымещал свою злость на нас. Но я не намеревалась ему поддаваться. От жеста Ричарда всё тело под пальто закололо горячими иголками. Порыв донёс до меня аромат его парфюма. Он стоял на расстоянии вытянутой руки, принимая на свою спину удар холода, но казалось, ничто не могло его заморозить, сбить с ног. Мама выбрала правильного человека для поиска Джонатана.

– Ваша мама не обрадуется, что я беспокою вашего брата понапрасну. – Возразил он на мою просьбу.

– Жизнь человека – не напрасный повод для беспокойства. Поговорите с братом, просто… немного позже. Когда пыль уляжется. Может, ваша работа с Джонатаном и закончена. И маме не нужны ваши услуги… Но *мне* нужны.

Брови Ричарда чуть подпрыгнули в шутливом замечании.

– Вы хотите нанять меня?

– Чтобы узнать, что случилось на самом деле. Чтобы найти Марию. Может, родителей и устраивает, что исчезновение Джонатана так и останется навсегда загадкой, но я никогда не любила недосказанности. Я заплачу вам.

– Не обижайте меня, Сара. – Строго наказал Ричард, и его лицо переплели суровые морщинки. – Ваша мама платила мне, потому что давным-давно мы заключили с ней соглашение, и я не мог оспорить его условия. Лодердейлы всегда платят по счетам. Но вы другая… И наше соглашение основано не на взаимной выгоде. Мы оба хотим узнать правду и спасти человека, если выпадет такой шанс. Я попытаюсь разыскать Марию не из-за денег. А потому что она заслуживает того, чтобы её нашли.

– Спасибо, Ричард.

Принято считать, что благородство – нюанс, что передаётся по наследству с голубой кровью. Побочный эффект богатства и влияния в обществе. Но благородное происхождение нельзя заслужить лишь титулом или толщиной кошелька. Это не черта, что заложена в генах. Я знала десятки тех, кого мама называла благородными в силу их власти или положения. Но настоящее благородство заложено не в крови, а в поступках. И я ещё никогда не встречала человека благороднее Ричарда Клейтона.

Он – не выходец из влиятельной семьи и, насколько я зна-

ла с рассказов мамы, вырос на городском отшибе и работал с четырнадцати лет, когда умер отец и родные нуждались в кормильце. С чужой подачи и собственными усилиями Ричард взлетел на несколько ступеней выше по маминым меркам приличия и престижа, но она никогда бы не приписала его к благородному сословию. А я стояла в метре от него и видела благородную, чистую, порядочную душу сквозь радужки его глаз.

Мне хотелось сказать ему об этом, но мама учила никогда не говорить, не подумав то, что может смутить. А моё высказывание уж точно смутило бы нас обоих.

Мы стояли, будто желая сказать ещё что-то друг другу, но молчали. Ветер нахально влез в нашу беседу очередным сногсшибающим порывом, и Ричард отвёл взгляд.

– Мне пора. Сообщите, когда ваш брат будет готов поговорить.

– Обязательно. А вы держите меня в курсе расследования.

– Обязательно. – Повторил Ричард и улыбнулся. – До скорого, Сара.

Джентльмен до мозга костей, до блестящих носков туфель, Ричард чуть склонил голову в прощальном поклоне, будто удалялся с бала, а перед ним стояла дебютантка. Меня этот жест одновременно и позабавил, и польстил, но, когда статная фигура Ричарда развернулась и стала удаляться, я почувствовала странное разочарование.

Я одёрнула пальто и саму себя. Наклонилась за папкой и

ощутила новый порыв ветра. Он подгонял прохожих, трепал волосы женщины с собачкой, срывал листья с деревьев. Пожилой мужчина на соседей скамье выругался, когда газету вырвало из его рук и стало разбрасывать по траве. Я кинулась помогать. Хватала те листы, что удавалось, пока они не смешались с ветром и не унеслись прочь.

И когда моя рука ухватилась за один из помятых листов, я заметила кое-что, что отвлекло меня от спасительной операции. Статья на одной из полос утренней газеты «Балтимор Трибьюн».

Джонатан Лодердейл вернулся.

Очерк на несколько абзацев возвещал о возвращении пропавшего пятнадцать лет назад брата. Его украшали броские фразы и несколько чёрно-белых фотографий: юный Джонатан в школьной форме Вест Ройал и галстуке, и наше старое семейное фото. Постановочное, с великим и могущественным Роджером Лодердейлом во главе. В ту пору весь город следил за расследованием, пока интерес к трагедии ни таял и окончательно не исчез. Кто-то обязательно вспомнит о том, что случилось, и всунет свой любопытный нос в дела нашей семьи. Снова.

Мамины происки. Она не могла удержаться и не раструбить о счастливой новости газетчикам. Когда она успела? Газета выходит по утрам, но если мама что удумала, то её не остановить сжатыми сроками или заранее составленным материалом для выпуска.

Пожилой мужчина с благодарностью принял от меня спасённую газету и вернулся в свой «читательский зал» на скамейку. А я почувствовала, как меня подмораживает злость, и поспешила убраться из парка, пока ветер и мамины глупости окончательно меня не заморозили.

Глава 9

Нерадивый начальник всегда сбрасывает работу на подчинённых. Я себя нерадивой начальницей не считала, но сегодня всячески уклонялась от прямых обязанностей. За годы существования «Нюаж» давно перерос стадию куколки и выпорхнул прелестной бабочкой на волю. Процесс был отлажен до мелочей, и я могла не волноваться за сохранность бизнеса, если позволю себе на денёк отойти от дел. Тем более, у меня нашлась веская причина.

Благодаря маме весь город вскоре узнает, что Джонатан Лодердейл нашёлся. Словно потерянная вещь, которую вернули в бюро находок. Наверняка и в офисе уже прознали про брата – в четырёх стенах слухи разносятся быстрее, чем пыль. Не хотелось идти по коридору и встречать любопытные взгляды, слышать шепотки и стать героиней судачеств. В нашей семье мама любила оказываться в центре внимания, не я.

Потому я оставила сообщение своей помощнице Сандре, которая курировала компанию в моё редкое отсутствие, о том, чтобы сегодня меня не ждали. А сама завела свой «малибу» и отправилась в ту часть города, где бывала редкой гостьей. По мере того, как дорога уводила меня всё дальше от центра, презентабельные стеклянные строения сменялись уютными коттеджами, а вскоре – и вовсе стареющими доми-

ками с потёртыми фасадами. Словно я ехала по дороге времени и видела, как непоседливый город стареет на глазах.

В районе Глен, на самой границе с Уильмсбергом город и вовсе стал напоминать дряхлую старушку на смертном одре. Яркий контраст той жизни, которую я привыкла видеть. Кривое зеркало тех богатств и возможностей, что мне даровали при рождении. Родители побывали по ту, другую сторону, и едва успели сбежать на мощёные улицы Хэмпдена, как тут же позабыли о местах, где провели первую половину жизни.

Мне же претили дочери их друзей из высшего света, вроде Шейлы или Амелии. Они смаковали серебряную ложку во рту и никогда не знали о том, каково это – не знать, сможешь ли ты заплатить за ужин или оплатить отопление. Я тоже не знала об этих ужасах, но не черпала завтрак серебряной ложкой. Мамин благотворительный фонд казался мне разукрашенным павлином, которого выставили напоказ в золотом вольере. Я поддерживала их труды, но сама напоминала невзрачную перепёлку, на которую никто не обращает внимания.

Доступ к счёту, что открыли на моё имя ещё при рождении, позволил мне не только начать свой бизнес и прочно обосноваться в жизни, но и не забыть о том, что кому-то повезло меньше. *Их* первые крики раздавались ни в одиночной палате частной клиники, заваленной цветами, где каждая медсестра готова была пятки целовать. И мне и маме.

Скорее, в переполненных больничных бараках, откуда выписывали, едва успевали обмыть новорождённых. И привозили их не в мраморные хоромы особняков Хэмпдена, а сюда, в обветшалые дома на окраине.

Я каждый месяц жертвовала немалые суммы в разные фонды помощи и однажды мечтала основать свой. Если мама и её подруги с бриллиантовыми серьгами устраивали мероприятия для богачей и посылали собранные средства в комитеты помощи Ближнему Востоку, центры стихийных бедствий и в прочие организации, где их вклад был бы отмечен всем миром, то я старалась помогать тем, кто поближе. Кто действительно нуждался в помощи.

Первый же миллион, снятый со счёта, когда мне исполнилось восемнадцать, я направила в фонды поддержки детей с онкологическими заболеваниями, неимущих, инвалидов и даже приюты животных. И каждый месяц жертвовала большую часть своих денег тому, кому они нужнее. Родиться с серебряной ложкой во рту – не преступление, если ты кормишь с неё тех, кто голоден.

Видя старые домишки Глена, я мысленно пометила себе связаться с каким-нибудь местным фондом и передать деньги на благоустройство района или людям, которые не могут починить крышу перед дождливым сезоном. Или проплатить горячую воду и отопление перед заморозками.

Я остановилась на Примроуз-авеню перед кирпичным, добротно скроенным, но чуть поддавшимся тяготам време-

ни дому с высокой шелковицей. Она заглядывала в окна с неравнодушностью любопытной соседки, которая всюду сунет свой нос. Я была здесь лишь раз и то, словно в прошлой жизни. Дом Марии Веракрус, где она жила с родителями и младшей сестрой. Вернее, возвращалась сюда на выходные после пятидневной рабочей недели и ночёвок под крышей Лодердейлов.

Однажды Мария приводила нас с Джонатаном сюда, познакомить с родителями. Показать, где она живёт, потому что мы все уши ей прожужжали с просьбами. Альваро и Кармен Веракрус, родители Марии, оказались добродушными людьми. Они приняли нас как почётных гостей и закормили домашней едой – лазаньей, кесадильями с чеддером и печеньем польворон, которое по традиции подаётся на мексиканских свадьбах. Увидела бы мама, сколько в нас влезло и чем нас кормили родители Марии, она бы слегла с помутнением рассудка. Но мы с братом остались в диком восторге и пообещали няне хранить секрет.

А потом они вдвоём исчезли, и секрет хранила только я.

Исчезновение Джонатана Лодердейла стало потрясением для города и взбунтовало целую шумиху. Имя моего брата ходило у всех на слуху, но вспоминал ли кто-нибудь о Марии Веракрус, кроме её родителей и сестры? Искал бы её кто-нибудь так же рьяно, если бы не Ричард?

Он бывал здесь не раз и не два, надеясь наткнуться на какую-нибудь мелочь, которую могли упустить раньше. Ро-

дители Марии не сказали ничего полезного для следствия. Примерная дочь, одинокая и преданная работе. Никаких вспыльчивых бойфрендов, неукротимых подруг или опасных связей. Она любила семью, готовить и читать, была домоседкой и никогда не ходила в клубы. Пара свиданий в год, но ничего из них не выходило. О высшем образовании Мария и не мечтала, хотя уверена, что отец помог бы ей заплатить за учёбу, если бы та набралась смелости попросить. Она ведь не просто исполняла роль приходящей гувернантки, а за семь лет службы у Лодердейлов стала нам почти родной. Ну, нам с Джонатаном уж точно, ведь мы видели Марию чаще, чем собственных родителей.

Не хотелось бередить старые раны мистера и миссис Веракрус. Горе с новой силой обрушится на них, как только они увидят статью в газете или услышат в магазине последние новости о волшебном возвращении Джонатана Лодердейла. Новости, в которых об их любимой дочери ни слова.

Я считала своим долгом проведать их хотя бы сейчас и тут же устыдилась, что не приехала ни разу за эти пятнадцать лет. Трусость никому ещё не сослужила добрую службу, но я не могла смотреть этим людям в глаза. Их дочь пропала, и я всегда была уверена, что по вине Лодердейлов, нашего громкого имени и переполненных счетов в банке. Полиция, родители, люди могли думать что угодно об исчезновении, но я всегда винила в случившемся то, что мама считала милостью. Деньги. Наверняка Джонатана похитили вместе с ня-

ней, но потом что-то пошло не так и о выкупе так и не попросили.

Пятнадцать лет назад родители Марии не смогли сказать ничего полезного, но может, могли бы сказать сейчас. Память Джонатана стёрла события того дня, но кое-что всё же оставила на поверхности. Та самая мелочь, за которую хватался детектив Клейтон и которую мой брат упомянул невзначай. Перед тем, как наступила чернота, он услышал, как Марию кто-то окликнул. Мужской голос. *Грубый, удивлённый голос*. Так сказал Джонатан. Чуть позже у меня будет шанс расспросить его, а пока я поднялась на крыльцо семьи Веракрус и убедила себя, что поступаю правильно.

Мария не могла похвастаться широким кругом общения. У неё не было парня или друзей мужского пола. Она нигде не училась и работала только на нас. Её родители пусть и не смогут назвать мне имя по одному лишь описанию грубого голоса, но смогут составить список, с кем бы я могла переговорить. Хоть что-то.

Я постучала по старому дереву входной двери и понадеялась, что хозяева дома. Что их не убило горе от потери любимой дочери. Что они помогут мне разобраться. За дверью послышались шаги, а потом она распахнулась.

– Чем могу помочь?

Передо мной возникла определённо не миссис Веракрус. Никакие годы и скорбь не смогли бы так кардинально изменить черты лица и уж тем более цвет кожи. Совершенно

незнакомая женщина дружелюбно смотрела на меня из тени прихожей и ждала ответа.

– Здравствуйте. – Сказала я как можно более любезно. – Простите за беспокойство. Я могу увидеть мистера или миссис Веракрус?

Женщина нахмурилась, оглядывая меня с ног до головы.

– Веракрус? – Переспросила она и покачала головой. – Но они здесь больше не живут.

Моё сердце упало, послышался звон бьющихся надежд.

– Давно они переехали?

– Да уж давненько. – Хмыкнула хозяйка. – Мы с мужем купили этот дом лет четырнадцать назад. Ещё удивились, что цена так занижена. Вы не подумайте… – Стала оправдываться она, оценив мою одежду и машину, на которой я приехала. – Раньше этот дом был в отличном состоянии, просто мой муж потерял работу и… Что это я.

Болтливость у некоторых в крови, а эта женщина за две минуты разговора уже выдала мне все превратности своей жизни. Но я лишь улыбнулась в ответ, чтобы не казаться грубой.

– А вы не знаете, куда они могли уехать?

– Не знаю, они не говорили. Сказали только, что хотят поскорее уехать. – Женщина пожала плечами. – Выглядели они так, словно у них что-то случилось. Люди часто срываются с места, чтобы сбежать от проблем.

Я снова выдавила улыбку. Если б только она знала… Ко-

нечно, мистер и миссис Веракрус пережили горе, которое никому не пожелаешь. Потеряли дочь и всякую надежду её найти. Наверняка этот город стал для них слишком горьким напоминанием о потере. Но не слишком ли рано они решили покинуть Балтимор? Вдруг полиции бы удалось что-то узнать о Марии? Неизвестность терзает душу, но дарит надежду. Но, видно, надежда покинула этот дом вслед за хозяевами.

– А у вас случайно не остался номер их телефона? – Попытала я счастья снова.

– Нет, уж простите.

– Спасибо. Ещё раз извините за беспокойство.

А я так надеялась поговорить с родителями Марии. Хоть одно радовало: они не узнают о возвращении Джонатана и не опечалятся ещё сильнее от несправедливости. Мой брат вернулся домой целым и невредимым. А их дочь так и канула в неизвестности.

Не успела я сделать два шага прочь от двери, как телефон в кармане подал сигнал.

Сара, приезжай скорее! Нужна твоя помощь.

Что-то случилось. Мама умела посеять панику, и чаще всего её охи случались из-за проблем с рассадкой на званом вечере, сломанном каблуке её любимых туфель или нелестной заметке в журнале о её любимом бренде косметики. Но в связи с последними событиями я не могла не разволноваться.

Забравшись в тёплый салон, я сорвалась с места и набрала номер матери. Но она не хотела брать трубку.

– Чёрт. – Выругалась я в духе Оливии, хлопнув по рулю.

Из Глена до Хэмпдена добираться часа пол, не меньше. Сколько всего может случиться за полчаса! Я позвонила ещё три раза, но мама так и не ответила. Я попыталась дозвониться отцу, но тот сбросил вызов. Прекрасно! Наверняка восседает за столом переговоров или устраивает выволочку заму на очередном совещании. Или просто наслаждается обществом сына, по которому он успел соскучиться за пятнадцать лет.

Играя в шашки с другими автомобилями, я попыталась дозвониться на домашний телефон, но мне отвечали лишь короткие гудки. Занято. Телефон Констанс тоже молчал. Да что ж такое! Если никто не берёт трубку, определённо что-то произошло.

В безудержном порыве я чуть не позвонила Ричарду и не попросила примчаться к дому родителей с пистолетом. Но отмахнулась от этой затеи. Уж разумнее вызывать полицию, чем частного детектива. Но не хотелось выглядеть взбалмошной паникёршей перед уважаемой полицией Балтимора. Мама мне не простит, если я созову всех копов на лужайку перед домом, а окажется, что она порезала палец ножом для конвертов.

К дому я примчалась на пятнадцать минут раньше, чем думала. Бросила машину у крыльца, даже не захлопнув

дверь, и влетела в дом с порывом холодного ветра. Где-то в глубине играла тихая музыка. Людовико Эйнауди исполнял концерт, выстукивая по клавишам пианино с неповторимым мастерством. Мама любила ставить его композиции, когда грустила и когда радовалась, и верила, что её маленький мальчик однажды станет таким же великим, как итальянский композитор. Когда Джонатан пропал, с ним пропала и классическая музыка. Но теперь играла снова…

– Мама! – Крикнула я, метнувшись в гостиную. – Мама, это я! Ты где?

– Здесь, милая.

Голос ничуть не напуганный. Скорее восторженный.

Мамина хрупкая фигурка сидела на диване в окружении подушек и покачивалась на мелодичных звуках пианино. Она склонилась к журнальному столику и выписывала что-то на стопке открыток. Рядом громоздился поднос с вазочкой и свежей розой из сада, дымящимся чайничком чая и пряными сладостями.

Мама выглядела вполне себе здоровой и счастливой, и я замерла посреди гостиной, борясь с негодованием. Эта женщина однажды сведёт меня с ума! Я сделала три глубоких вдоха, чтобы не разразиться гневным криком. Я мчалась через полгорода, боясь, что с ней что-то случилось, а она попивала себе чай и пританцовывала под классическую музыку.

– Мама. – Сдержанно процедила я, чуть скрипнув зубами. – Что за срочность? Ты меня напугала своим сообщени-

ем, а потом не брала трубку.

– Ох, дорогая, прости. Я слишком сосредоточилась, а ты ведь знаешь, если я чем и занята, то ничего кругом не слышу.

Но это не мешало ей слышать музыку и своих тараканов в голове.

– Я звонила Констанс и на домашний. Никто не подходил.

– Констанс на кухне, обзванивает кейтеринговые компании, которые занимаются фуршетами для моего фонда. Не стоит её беспокоить.

Я чуть не закричала от возмущения, но мама, казалось, не понимала, что её поведение выходит за рамки. Хотя для Вирджинии Лодердейл не существовало никаких рамок. Я выдохнула весь гнев, заставив себя проявить снисходительность. У мамы случилось сразу два потрясения за один день. Глубокая депрессия от потери сына и бесстыдная радость от его возвращения. Я должна поберечь её чувства, чем занималась последние пятнадцать лет, хотя она мои никогда не берегла.

Подойдя ближе, я склонилась над столиком и спросила:

– Что за форс-мажор? С чем мне нужно помочь?

– Я совершенно ничего не успеваю, дорогая!

Сказала женщина, которая двадцать четыре часа ничем не занята. Только Вирджиния Лодердейл имела право считать выписывание приглашений делом крайней важности. Чем она сейчас, собственно, и занималась.

– Не успеваешь с чем? Что это за приглашения? Что ты

задумала?

Вопросы посыпались из меня, как горошек из банки. Но я пока ни на один не получила вразумительного ответа.

– Ты видела заметку о Джонатане в газете? – Радостно спросила мама, наконец оторвавшись от своего важного занятия.

– Видела, мам. Зачем ты это сделала? Зачем выносить семейные дела на всеобщее обозрение?

Изящные дуги её бровей подпрыгнули в изумлении.

– О чём ты говоришь! Наша семья и так всегда на всеобщем обозрении! Мы важные члены общества и должны делиться важными новостями. Тем более такими радостными!

– Но мы все даже не успели свыкнуться с мыслью о возвращении Джонатана, да и он ещё вряд ли готов вот так сразу войти в это твоё общество.

– Не говори ерунды. – Раздражённо поставила меня на место мать. – Он слишком долго пропадал, я не хочу терять больше ни минуты. Ты бы знала, сколько людей мне позвонили, когда увидели эту статью! Все были так рады за нас! А Кристин подала мне замечательную идею…

Я сильно засомневалась, что миссис Лэнсберри могла подать такую уж замечательную идею.

Мама Шейлы и моя – два сапога пара. Организаторши фонда «Белые ангелы» и любительницы покудахтать о сливках общества. Когда-то они надеялись, что и мы с Шейлой станем их точными копиями – не разлей вода, но моему са-

погу не нужна была пара. Тем более, такая как Шейла Лэнсберри. Если уж её мама что и удумала, то можно не сомневаться – случится что-то экстравагантное, из ряда вон.

– Мы устроим приём. – Выдала мама с таким видом, словно придумала лекарство от рака. – Завтра вечером. Соберём всех друзей и отпразднуем приезд Джонатана. Представляешь, как будет здорово! Но я ничего не успеваю… Констанс занята банкетным меню, а я вот выписываю приглашения, а ещё столько всего сделать…

Маму заносило в её радужный мир балов и светской жизни, а меня – в яростный раж. Я бессильно плюхнулась на диван рядом с ней и пустила все оставшиеся силы на то, чтобы не наговорить лишнего.

– Ты серьёзно?! Я летела через весь город ради того, чтобы помочь тебе написать приглашения?

– Ну что ты! – С беспечностью маленькой девочки бросила мама. – С приглашениями я и сама справлюсь. Я хотела, чтобы ты подобрала мне платье из своего магазина. Что-то не слишком помпезное, но и не простенькое. Я ведь не хочу выглядеть как дешёвка.

Будто намечалась коронация принца, а не празднование в честь Джонатана. Идея с вечеринкой не так уж и плоха, но не так сразу. Не успела мысль о его возвращении осесть в наших головах, как мама уже мечтала сделать из этого событие года.

– А ещё, чтобы ты позвала ту свою подругу… – Неучтиво сказала она. – Ну, ту, что не выпускает фотоаппарата из рук.

– Ты про Оливию?

– Да, да, про неё. Пусть запечатлит этот великий момент.

Моё негодование вышло на новый уровень, но я старалась дышать глубоко, чтобы не ляпнуть что-то обидное.

– Она штатный фотограф «Нюаж», а не личный фотокорреспондент нашей семьи. – Резко ответила я.

– Это всего на вечер. К тому же, её ждёт солидный гонорар, которого она не заработает и за месяц работы.

– Ну, спасибо, мама. А Джонатан вообще знает о твоей афере? Он не против такого… внимания?

Мама отложила ручку и с недоумением взглянула на меня. Призрака скорбящей женщины, что вчера рассматривала фотографии, завернувшись в одеяло, не осталось. Идеальный макияж, горящие энтузиазмом глаза и сводящий с ума взгляд.

– Он так счастлив вернуться домой, Сара, что будет рад всему. – Она прищурила подкрашенные нюдовыми тенями глаза и с подозрением спросила: – А ты вообще рада его возвращению?

Я опешила от такого вопроса.

– Твой брат вернулся домой после пятнадцати лет, когда его считали пропавшим и… – «Мёртвым», чуть не сказала она, но поджала губы. – А ты ведёшь себя так, словно не рада.

Я открыла было рот, чтобы с обидой возразить, но тут же закрыла. В каком-то смысле мама была права и заставила меня саму себя возненавидеть. Я не могла порадоваться воз-

вращению Джонатана так же сильно, как отец и мать. Потому что я не знала человека, который вернулся.

– Я попрошу Оливию. – Вместо едкого слова сказала я. – И подберу тебе самое шикарное платье. – Я поцеловала маму в щёку и растопила её сердце. Решив, что это идеальный момент, я как бы невзначай взяла с фарфорового блюдца клубнику в белом шоколаде и откусила кусочек. – Мам, ты не пыталась связаться с родителями Марии?

– Какой Марии? – Безучастно переспросила мама, вернувшись к своим приглашениям. Ручка продолжала себе выписывать округлые буквы и завитки.

– Марии Веракрус. Моей няни. – С нажимом ответила я, удручаясь безразличию матери ко всем, кто не входил в ряды её приближённых. То есть, почти ко всем.

– С чего вдруг мне с ними связываться?

Чёрствый хлеб и тот мягче, чем моя мать.

В такие моменты меня посещали едкие мысли о том, как вообще эта женщина стала моей матерью? Между нами общего – только цвет глаз, да изящная линия шеи. Даже вихор каштановых волос достался мне от родных по отцовской линии – мама же свои тонкие волосы красила в медно-золотистый и укладывала в стильный боб. Я же любила раскинуть свои по плечам непокорным водопадом, отчего мама всегда впадала в неистовое недовольство. На выпускной вечер она заставила меня сходить к своему парикмахеру и соорудить «что-то более приличное» по её словам. Но как

только я выпорхнула из семейного гнёздышка Лодердейлов – которое больше походило на целую голубятню по размерам – я получила право самостоятельно распоряжаться своими деньгами, стилем в одежде и причёской.

– Мария много лет присматривала за нами с Джонатаном. – Напомнила я на случай, если маму посетила преждевременная старческая деменция. Хотя скорее, наглое безразличие. – Я думала, ты выразишь им своё сочувствие. Твой сын нашёлся. Их дочь – нет.

Ручка наконец перестала скрипеть по картонке. Глаза, что при тёплом освещении обратились в жидкий мёд, одарили меня жалостью.

– Я не подумала об этом. Мы столько лет не поддерживали связь и… думаешь, заметка в газете может их расстроить?

– А тебя бы расстроила? Мам, – я коснулась её руки, отрывая от писанины. – Что для одних чудо, для других огромное горе. У тебя не осталось телефона миссис Веракрус? Я пыталась связаться с ними сегодня, но они переехали и очень давно. Ты знала об этом?

– Нет, дорогая. Я оборвала все связи с родными Марии. – Печально ответила мама, доказав, что ещё не окончательно очерствела внутри.

– Но почему?

– Знаешь, милая… – Попыталась улыбнуться она, мягко и нежно, как та женщина, которая улыбалась мне до того, как деньги и влияние заморозили её улыбку. – Горе – дело

одинокое. Как могла я переживать ещё и за Марию, когда мой сын… Мне проще было отказаться от неё, чем отдать часть сердца для чужого дитя. Ты можешь не понять меня, но в нём осталось место лишь для скорби по Джонатану.

Как ни странно, понять я её могла. И даже найти в своём сердце место не только для осуждения поступков матери, но и для сочувствия.

– А теперь… – Сказала она, похлопав мою руку в ответ. – В нём есть место только для радости от его возвращения. Не хочу заполнять его тревогой за Марию и её родителей.

Зато я могла, потому спросила:

– Так ты не знаешь, как я могу связаться с ними?

– Связаться с кем? – Вдруг раздался голос отца.

За звуками пианино и собственными голосами мы и не услышали, как входная дверь открылась и впустила в дом папу и Джонатана. Тот всё ещё со скромностью гостя следовал за отцом, несмело разглядывая стены родного дома. Я тоже порой ощущала себя подброшенным кукушонком в чужом гнезде.

– О, дорогие мои! Вы вернулись!

Мама позабыла и о разговоре, и о семье Веракрус, и даже о своих приглашениях. Она резво поднялась и поцеловала отца в щёку, после чего двинулась к сыну с куда большей радостью от встречи.

Гостиная наполнилась голосами и рассказами о том, как сотрудники «Лодердейл Корп» встретили «королевского сы-

на». Я потеряла всякую надежду добиться ответов. Если и искать их, то уж точно не в этом доме. Пока родные обменивались новостями, я задумчиво уставилась на приглашения на столе. На самом верху незаполненной стопочки красовалась недописанная карточка.

Дорогой Ричард!

Приглашаем вас на праздничный фуршет по случаю возвращения нашего любимого сына Джонатана…

Ричард будет здесь на этой нелепой вечеринке. От этой мысли на душе посветлело, но едва я подняла глаза и встретилась взглядом с братом, меня снова заволокло мраком. Он улыбался, но в уголках губ застыло присущее маме выражение холодности, от которого по спине пробежали мурашки.

Мой брат никогда так не улыбался.

Глава 10

– Прошу минуточку внимания!

Громогласный голос отца обратил всё внимание гостей на себя. Он мог даже не повышать тональность и не постукивать десертной вилкой о край бокала – люди всё равно бы обратили все взоры на него. Он пленял окружающих своим могуществом и грандиозностью, не терялся в толпе приглашённых, возвышался над ними своей спокойной уверенностью, хотя был на полголовы ниже большинства мужчин. И в половину не так привлекателен.

Отец уделял внимание своей внешности ровно столько, сколько должен уделять ей внимание уверенный в себе мужчина с бездонными карманами. Не успело ему стукнуть сорок, как на лбу объявились два ореола залысин, а к пятидесяти они отвоевали себе большую часть его головы. Но Роджер Лодердейл не помчался в самую лучшую клинику и не бросил все свои сбережения сотрудникам в лицо, лишь бы они вернули ему волосы на законное место любыми волшебными способами, как сделал один из членов совета директоров «Лодердейл Корп» Стивен Дрезден. В один прекрасный день тот вернулся в офис с кустящейся шевелюрой на месте утраченного вихра и так гордился своими ненастоящими волосами, словно это была его личная заслуга.

Роджер Лодердейл ни разу не ложился под нож и не скупал

абонементы в спортзал с личным тренером, чтобы убрать намечающийся живот, как делали Джерри Брайт и Ларри Мак-Клинток, его советники. И даже не пытался скрыть свою раздающуюся фигуру плотной тканью костюмов, как глава отдела финансовых рисков Алан Поуп. Не молодился в постели с нью-йоркскими моделями, как семидесятилетний акционер Гидберт Боуден и не менял жён чаще, чем блестящие автомобили, как Джереми Кольер.

Все они присутствовали в гостевой зале Лодердейлов, но терялись на фоне живущего в ладах с собой отца. Все они и ещё сорок «самых близких», по мнению матушки. Из праздника в честь своего сына она закатила настоящий пир на весь мир, чтобы покрасоваться перед соседями и деловыми партнёрами. Нередко в наших кругах это партнёрство и соседство перерастали в соперничество.

Мама стояла позади отца в изысканном, благородном платье цвета бордо, которое я всё же сумела ей подобрать после двадцати «фи» в адрес не менее изысканных и благородных. Она отыгралась на мне по полной, заставив притащить половину бутика «Нюаж», заказать пятнадцать цветочных композиций и гирлянд для украшения зала, убедить Оливию взяться за съёмку торжества и даже переманить инструментальный квартет из балтиморской филармонии, которые в этот вечер должны были играть на открытии арт-галереи в Шипли Хилл. Деньги могут многое, как и капризы моей матери.

Гости стекались кто к назначенному часу, кто со свой-

ственным важным персонам опозданием. В элегантных нарядах и дорогих машинах. Водители высаживали их на подъездной аллее и отъезжали прочь, готовые примчаться по первому зову обратно. Наверняка они собирались в какой-нибудь забегаловке в соседнем квартале и подшучивали над обнаглевшими, зазнавшимися боссами. Деньги и правда могут многое. В том числе, изменить человека до неузнаваемости.

В какой-то момент мне захотелось присоединиться к этой весёлой шайке водителей и посмеяться вместе с ними за чизбургером и картошкой-фри. Я бы многое могла поведать им о жизни городской верхушки, показать им скелетов, спрятанных в дубовых шкафах с позолоченными ручками. Но мне пришлось мило улыбаться каждому входящему, справляться об их делах и провожать в банкетную залу, где они примутся давиться дорогим шампанским, выдержанным виски и изысканными угощениями. И никаких тебе чизбургеров или пива.

Целый час я фланировала между приглашёнными и поддерживала лёгкую беседу, как учила меня мама ещё в детстве. Но взгляд мой сновал меду ними, выискивая особенного гостя, который бы подарил мне покой. С ним бы я поболтала с радостью, но Ричард Клейтон, кажется, не желал удостаивать нас своим присутствием. Зато мой Марк чувствовал себя рыбкой в воде. Вернее, в заполненном другими рыбами и акулами аквариуме. Ему не привыкать. Он с мастерством ублажал дам комплиментами по поводу причёсок и платьев,

давал советы джентльменам о бизнесе и выдавал шутки с искромётностью тамады на весёлой свадьбе. Воистину любимый зять Вирджинии Лодердейл.

Я чувствовала себя Джейн Остин на балу, ей богу. И мне претило находиться здесь. Мне даже не представилось возможности поболтать с Оливией, потому что мама вовсю гоняла её по залу, заставляя щёлкать мистеров и миссис, чтобы завтра каждый мог ещё раз полюбоваться своей персоной и похвастаться перед друзьями богатством своего одеяния. Лишь раз мне удалось споймать взгляд Ливви. Подавленный, загнанный в угол, полный мольбы помочь ей сбежать. Словом, я чувствовала то же самое и ждала того, кто спасёт из этой клоаки меня саму.

Джонатан не чувствовал себя так раскрепощённо, как Марк. Для него все эти знакомства и светские манеры были в диковинку, как для обезьянки, которую выловили в джунглях и засунули в вольер на усладу зрителям. Каждый раз, как мама или отец подводили его к парочке гостей, отличающихся от предыдущих лишь размером бриллиантов на шее у «неё» и размеров эго у «него», Джонатан выдавливал из себя противоестественную улыбку и уступал отцу право раскручивать нить бесполезной беседы.

Родители позволили гостям обменяться хвастливыми замечаниями, прикрытыми любезностями, дойти до нужного градуса подпития, после чего отец постучал вилкой по бокалу, призывая к полному вниманию. Даже музыканты опу-

стили смычки и прислушались к торжественной тишине.

– В первую очередь, – провозгласил отец, оглядывая собравшихся. – Мы с Вирджинией хотели бы поблагодарить вас за то, что вы выкроили время, чтобы прийти!

Послышался одобрительный гул.

– Нам приятно видеть каждого из вас и поделиться своей радостью с близкими друзьями.

Я изо всех сил схватилась за бокал, словно он мог удержать меня от взрывного смеха. Близкие друзья, как же. В прошлом году Ларри Макклинток так подставил отца, что тот всерьёз раздумывал о том, чтобы вышвырнуть этого наглого смутьяна из компании, но дал ему второй шанс. Летиция Ларсен трижды баллотировалась на пост главы фонда «Белые ангелы», пытаясь сместить маму и занять её место, а теперь сладострастно улыбалась искусственно выгравированной улыбкой в ореоле красных губ.

После стихнувших аплодисментов, отец снова заговорил, приправив радостную обстановку привкусом печали.

– Мой сын Джонатан пропал пятнадцать лет назад. – Из чувства приличия кто-то опустил голову, кто-то сокрушённо покачал головой. – Трагедия для нашей семьи и всего города. Пятнадцать лет мы с Вирджинией и моей прекрасной дочерью Сарой не знали, что с ним. Нам оставалось лишь гадать, уповать на работу нашей уважаемой полиции и надеяться. Но… как известно, надежда никогда не проходит даром.

В этом был весь отец. Мог оживить любое мероприятие и

приковать к себе взгляды толпы. Счастливая улыбка, несвойственная деловому амплуа волка, сверкнула на постаревшем лице и омолодило его на десятки лет. Запустилась цепная реакция – и десятки улыбок засияли в ответ.

– Вчера. – Отец сделал акцент на этом слове и повысил тон. – В наш дом снова вернулась надежда. И мой сын. Джонатан постучал в двери и вернулся в семью!

Гости зарукоплескали, а отец вытянул руку, подзывая Джонатана к себе. Тот несмело вышел вперёд под восторженные хлопки незнакомцев и обожающий взгляд матери. Теперь это его мир. Славу, власть и богатство отняли у моего брата пятнадцать лет назад необъяснимые обстоятельства. И ещё более необъяснимые – вернули ему сто крат.

Я похлопывала правой рукой по ребру левой ладони, в которой сжимала шипучий бокал. Внутри всё так же пузырилось, хотя за весь вечер мои губы коснулись бурлящего напитка лишь дважды. Я чувствовала себя не в своей тарелке, словно сморщенный анчоус положили к благородным креветкам, зато мама так и царила во всеобщем внимании. Если я не любила выносить сор из избы, то она смахивала его на обозрение всем, особенно, если этот сор переливался золотом.

Папа вновь принялся что-то говорить со своей импровизированной трибуны, но я не расслышала ни звука из-за голоса, зазвучавшего справа:

– Почему вы не стоите там, вместе с семьёй?

Я увлечённо засмотрелась на фигуру в чёрном костюме, возникшую рядом тенью.

– Ричард! – Слишком обрадованно отозвалась я. Неужели в этом сборище снобов у меня появился союзник? – Вы всё-таки пришли.

– Задержался немного. – Хмыкнул он, обращая взгляд на вещающего отца. – Никак не мог подобрать костюм. Боялся, что не впишусь… – Ричард с издёвкой оглядел стоящих рядом разряженных во фраки мужчин, словно те нацепили павлиньи перья. – В здешний дресс-код.

Я скрыла улыбку бокалом, иначе рисковала попасться маме на глаза своим неподобающим – в её понимании – поведением.

– Вы прекрасно выглядите. – Сказала я.

– Это всего лишь костюм… Зато вы…

Яркий свет залы угрожал раскрыть румянец, что тронул мои щёки от взгляда Ричарда. Тот скользнул по моему платью в пол бирюзового оттенка с декольте и вырезом по правой ноге. Мама настояла, чтобы я надела что-то «пошикарнее» первого варианта, что я подобрала вчера вечером – строгого платья-футляра цвета беж, в котором бы я не выделялась так настойчиво. Но после споров об Оливии, цветах, музыкантах и прочем я слишком утомилась вести борьбу ещё и за платье.

– Вы просто сногсшибательны. – Кашлянул Ричард и отвёл глаза, поспешив вернуться к своему первому вопросу: –

Так почему вы не там? – Он указал бокалом шампанского на отца, приобнимающего Джонатана за плечо, мать, что гордо стояла чуть поодаль, и даже Марка, что примкнул к их бравому отряду в своём смокинге от «Армани» и чёрной бабочке. – Даже ваш жених получает свою минуту славы, а вы… здесь.

– Не люблю быть в центре внимания. – Ответила я откровением. Делиться искренностью своей натуры с Ричардом Клейтоном казалось таким естественным. – Это вечер Джонатана. Не мой.

– Это вечер вашей семьи…

Я открыла рот, чтобы ответить, но не успела, потому что слова отца долетели до моих ушей и сбили с мысли.

– …рад объявить, что с этого дня, – торжественно подводил он к чему-то очень важному, что требовало и моего внимания. – Мой сын стал не только полноправным членом нашей семьи, но и сотрудником «Лодердейл Корп».

Я чуть не расплескала шампанское, дёрнувшись от такой новости. Новости, которую мне сообщили наравне с едва знакомыми людьми, не в тихом семейном кругу. Поставили перед фактом, не удосужившись спросить моего мнения, словно оно значило для отца не больше лепета несмышлёного младенца. Боковым зрением я заметила, как Ричард покосился на меня.

– Отныне! – Повысил голос папа, чтобы перебить рокот восьмидесяти ладоней, отбивающих чечётку. – Он займёт

место в совете директоров, так что прошу любить и жаловать, а также прислушиваться к его мнению, как и к моему!

Речь окончилась бурными аплодисментами. Одна я стояла в смятении, зеленея в тон своему платью. Джонатану вручили «Оскар», а я оказалась той завистливой номинанткой, кому пророчили победу, но прокатили у самого финиша. Гости врассыпную стали подходить к отцу и брату, поздравляя их с замечательным решением, а я хватала ртом воздух, пытаясь высосать из него драгоценный кислород.

– Сара… – Тронул меня за руку Ричард, но я бросила ему через плечо извинения и двинулась сквозь цепочку паломников, осторожно расталкивая их на пути к цели.

– Папа. – Позвала я, стараясь натянуть на себя хоть треть тех эмоций, что украшали гостей не хуже бриллиантовых украшений. – Папа! – Я извинилась перед Жизель Роше, третьей женой Брендана Макинтоша, которую тот притащил из Франции и которая пожимала руку отцу, и оттащила его в сторону.

– Как это понимать? – Шёпотом спросила я, но тот прозвучал как шипение змеи.

– Что именно, дорогая? – Улыбнулся отец кому-то, даже не глядя в мою сторону.

– Ты вот так сразу принял Джонатана в компанию? Усадил его за стол совета? Не слишком ли ты торопишься?

Папа наконец обратил своё внимание на меня и тоже понизил голос.

– Не понимаю, чему ты удивлена? – И по его лицо было видно, что он действительно не понимал. – Он мой сын. И я хочу, чтобы он продолжил дело.

– Сын, который появился здесь только вчера…

– И предоставил нам немало доказательств. – Голос его был спокоен, но я чувствовала, как внутри него поднималась волна негодования. – Целая папка от майора Гувера лежит в моём кабинете. Ты ведь видела её…

– Видела, но…

– Тогда для твоих тревог нет никаких оснований, Сара. – Строго уведомил меня отец. – Ты ведь сама отказалась работать в «Лодердейл Корп». Захотела идти своим путём и я всячески тебя в этом поддерживал. Кому-то же надо всем заправлять после моего ухода на пенсию. Если это будешь не ты, тогда я полностью вверяю эту задачу своему сыну.

– Он хоть смыслит что-либо в финансах? – Не унималась я, пытаясь вразумить отца, но тот оставался непреклонен. Вздохнув, он сказал:

– Джонатан целый день провёл в компании и проявил себя более чем превосходно. У него экономическое образование, он три года проработал финансовым аналитиком в Форт-Уэрте, он умён и собран. Даже потеряв память он, будто… не потерял стержень Лодердейлов и пошёл по моим стопам, даже не подозревая, кто он. Лучшего кандидата я и представить себе не мог. Я ведь не усаживаю его за свой стол, лишь прокладываю ему дорожку к этому столу.

– Слишком уж складно всё получается…

– Слишком уж ты придираешься к собственному брату. – Устыдил меня отец. – А теперь извини, мне нужно к гостям.

И на этой минорной ноте отец оставил меня в углу залы, а сам отправился получать свои лавры. Гости вешались на него, пожимали руки и по-свойски хлопали по спине, а меня отставили в сторону, как одну из колонн. Элемент декора, не более.

Брякнув бокалом шампанского о поднос, я покинула зал. Лишь бы быть подальше от всей этой мишуры дружелюбия и хвальбы. Хотелось вырваться на свежий воздух заднего двора и просто подышать, но я услышала мужские голоса. Они доносились из кухни и не изменили бы моих намерений, если бы я не узнала их.

Марк и… Джонатан. Они затерялись в стенах кухни и о чём-то премило беседовали. Я притормозила у приоткрытой двери и прислушалась, как ребёнок, подслушивающий беседу взрослых.

– Не думал, что это будет так сложно. – Вздохнул Джонатан. – Я не привык к такой гуще событий… Все эти люди…

– Понимаю тебя. – Когда это мой жених успел сдружиться с новоиспечённым почти-шурином? Марка сложно назвать внимательным и понимающим, а тут он устроил целую группу поддержки для едва знакомого парня. Всегда приятно открывать новые, светлые стороны человека. – Порой и мне хочется всё бросить и сбежать… Но если чего-то хочешь до-

биться в жизни, приходится терпеть званые обеды и лицемерных снобов.

– Не знаю, получится ли у меня…

– Сара, вот вы где!

Я всегда рада Ричарду, но ни когда он подлавливает меня на месте преступления за подслушиванием чужих разговоров. Я тут же отпрянула от двери, сделав вид, что поправляю платье, потому и затормозила посреди коридора.

– А я вас везде ищу.

Ричард нагнал меня как раз в тот момент, как из кухни вышли мой жених и брат с напряжёнными лицами, словно после многочасового заседания. Как бы предвзято я ни относилась к Джонатану и его внезапному появлению на нашем пороге, я была бы рада, если бы они с Марком действительно подружились. Нет ничего прекраснее, если члены семьи ладят между собой. К тому же, в детстве Джонатан дружил с братом Марка, Яном. Может, их мгновенное взаимопонимание – проекция тех детских отношений с человеком, который уехал из города и не мог предложить свою дружбу.

– О, добрый вечер. – Поздоровался Ричард и приподнял бровь в мою сторону, но смолчал о моих происках. Не нужно быть детективом с пятнадцатилетним стажем, чтобы догадаться, чем я тут занималась.

– Ричард, это мой жених Марк, – представила я чуть запнувшись. – А это… мой брат Джонатан.

Так странно произносить эти слова. Они оставили сла-

дость на языке после пятнадцати лет молчания.

– Ну, меня сложно не узнать после такой исчерпывающей речи отца. – Пошутил Джонатан, протягивая руку и разряжая обстановку. Он и в детстве умел примирить двух драчунов, развеселить всплакнувшую девчонку или заставить взрослых смеяться над своими шутками.

– Рад вас видеть, Джонатан.

Ричард пожал руку Джонатана, попутно изучая его лицо, и как-то напрягся, проделывая тоже самое с Марком. Или мне лишь показалось?

– Мы тут ненадолго сбежали от суеты. – Словно в оправдание заявил Марк, приобнимая меня за талию. – Вы, я смотрю, занимались тем же самым.

– Хотела подышать воздухом. – Для пущей убедительности я замахала ладонью перед лицом, словно веером. – В зале слишком душно.

– Ну, нам пора возвращаться. Роджер ещё имеет виды на этого парня. – Марк по-братски потрепал Джонатана по плечу, а потом обратился ко мне. – Ты идёшь?

– Буду через минуту.

– Хорошо, не оставляй меня одного слишком долго. – Он поцеловал меня в губы и направился с Джонатаном в сторону зала. Два приятеля, поймавших одну волну.

– А они быстро спелись. – Прочитал мои мысли Ричард, глядя в том же направлении. Избавившись от бурлящего котла запахов, смешавшихся в зале, я уловила парфюм Ричар-

да и в который раз отметила, как приятно он пахнет. И как похоже мыслит.

– Да, Марк с кем угодно найдёт общий язык. Душа компании, где бы он ни появился.

– Вы всё ещё хотите подышать?

Мы вышли во внутренний двор, освещённый низкими фонарями. Звуки музыки и голосов тут же обратились эхом, а спёртый воздух очистился прохладой вечера.

– Вот, держите, здесь холодно. – Ричард снял свой пиджак и протянул мне. Я попыталась отказаться, но он был настойчив в своей галантности.

– Спасибо.

Мы прошли по выложенной плавными зигзагами каменной дорожке вглубь и скрылись за высокими туями. В компании полумесяца, свежести и… Ричарда было куда приятнее, чем в омуте лицемерия там внутри.

– И что вы о нём думаете? – Решилась я задать самый важный вопрос. Сыщику виднее, кто скрывается за личиной другого человека: праведник или грешник, правдолюб или аферист, законопослушный гражданин или убийца. Меня захватила мысль о том, что же мог Ричард увидеть в Джонатане, когда пожимал ему руку. – О моём брате.

– Не сочтите за наглость, но я наблюдал за ним всё время, как и каждый в том зале. – Говорил Ричард, медленно прохаживаясь рядом. Казалось, ему было совсем не холодно в одной белой рубашке, тогда как я куталась в его уютный

пиджак, как в одеяло. – Бывают семьи, где все непохожи, как день и ночь. Детям достаются лишь отдельные черты лица или характера. Вот вы, Сара… У вас нос матери и её изящность.

Мне польстило такое сравнение, но я промолчала.

– От отца вы переняли линию подбородка и форму скул. И несомненно глаза.

– Вы подмечаете такие детали?

– Я много чего подмечаю. – Неоднозначно отозвался Ричард. – Но Джонатан… Он вылитая копия Роджера Лодердейла. Я пытался придраться хоть к одной чёрточке его лица, но не смог найти несовпадений. Та же ямочка на подбородке, те же скулы и массивный нос. Готов поспорить в двадцать с небольшим ваш отец выглядел точно так же, как сейчас ваш брат. И его манера держаться… Он мог позабыть о том, кто он такой, но выправку не забудешь. Слишком много совпадений, чтобы сомневаться.

– Вы меня успокоили. – Выдохнула я. Раз Ричард был уверен, то и я могла отбросить последние подозрения и отдаться во власть радости от возвращения потерянного брата.

Мы сделали небольшой круг вокруг кустов розовых роз, но мне не хотелось возвращаться. Радовало лишь то, что сегодня праздник Джонатана и меня не скоро хватятся.

– Новость о назначении вашего брата вас расстроила. – Метко подметил Ричард, нарушая магию тишины.

– Считаете меня ревнивицей?

– Нисколько.

– Я никогда не хотела компанию отца. – Стала объяснять я. – Деньги для меня – лишь средство для жизни, не сама жизнь. Он был не против, когда я заявила, что хочу создавать одежду. Не просто поддержал, а сделал всё возможное, чтобы я поверила в себя, в то, что у меня всё получится. Мне ли ревновать или завидовать! Но всё это… так внезапно.

– Ваш отец ведь не собирается полностью переписать «Лодердейл Корп» уже завтра.

– Вот и папа так говорит. Может, я рано бью тревогу?

– Я не могу знать наверняка. Долгие годы службы, к счастью, не сделали из меня циника, чтобы в каждом прохожем видеть преступника. Я разного повидал. Многие из преступников были прекрасными людьми, совершившими ошибку. И многие из тех, кто притворялись святыми, по локти пачкались в грязи. И можете считать меня сумасшедшим, но я больше доверяю первым.

– Думаю, и мне стоит довериться. Спасибо вам, Ричард.

– Вам не за что меня благодарить.

Мы замерли у заднего крыльца, снова окунувшись в потоки света, музыки и голосов.

– Вам пора возвращаться. – Напомнил мой спутник, застыв на месте, словно что-то удерживало его от следующего шага. – Вас наверняка уже разыскивает жених.

На слове «жених» лицо Ричарда омрачилось, или это тень колонны так падала на него? Я скинула с плеч пиджак и про-

тянула собеседнику, почувствовав, как его пальцы с нежной случайностью коснулись моих.

– А вы не идёте? – Удивилась я, когда поднялась по ступеням и заметила, что Ричард не следует за мной.

– Пожалуй, я выразил своё почтение вашей матери и теперь с чистой душой могу отправиться домой. – Кривовато улыбнулся Ричард. – Подобные вечеринки не для меня.

– Я рада, что вы заглянули. Хорошего вам вечера. – Вежливо попрощалась я и вернулась на праздник, хотя больше всего мне хотелось закричать, что подобные вечеринки и не для меня тоже.

Глава 11

Шёлковая ткань одеяла обласкала мою кожу, но мне она показалась колючей. Вторую ночь мы с Марком ночевали в родительском доме, а я уже скучала по домашним наволочкам. Они пахли сладким, лёгким ванильным экстрактом, пусть и приторным, зато своим. Мамины же душили цветочной отдушиной роз или пионов. Из них выскальзываешь, как мыло из мокрых рук. Крутишься и никак не уляжешься. Или виной тому совсем не простыни, а вертлявые мысли, что не давали мне заснуть до поздней ночи?

Праздник закончился около полуночи, хотя некоторые особенно развесёлые и беспардонные гости ещё полчаса никак не могли отправиться восвояси. Просили налить или выкурить по последней, пока их жёны смущённо подпихивали в бока, а женщины из клининговой компании под чутким руководством Констанс уже принялись подчищать остатки после кутежа.

Я бы с радостью оставила машину в гараже и вызвала такси, но Марк поддался на уговоры будущей свекрови остаться. Во второй день это оказалось ещё легче – Марк прилично захмелел после того каравана бокалов, что ему подсовывали папины коллеги, мамины подружки или даже те, кого он видел от силы-то во второй раз.

Бенефис Джонатана в светском обществе удался на славу.

Я наблюдала за ним весь вечер. За ним и за мамой, что таскала его под ручку ко всем знакомым, расписывая все его достоинства, как лот на аукционе, который поскорее хотела сбыть с рук. Всё это напоминало бал дебютанток, о которых писали в книгах, и вызывало во мне лишь раздражение. Я пыталась разбавить его высокую концентрацию шампанским или тарталетками с икрой, но от них оно лишь разбухало и рвалось наружу. Я помнила слова Джонатана там, на кухне. Ему нужно было время привыкнуть к такой жизни, но родители действовали по методу: бросить в воду, чтобы научить плавать. К моему удивлению, Джонатан очень хорошо плавал.

Но больше собственной матери или всех этих великосветских манерных дам в её окружении меня выводили из себя их дочери. Те, которых мне годами навязывали в друзья.

– У твоего брата кто-то есть? – Хитро улыбнулась Шейла Лэнсберри, подплыв ко мне в алом платье искусительницы. Намерения её, впрочем, соответствовали наряду.

– Почему ты интересуешься? – Я притворилась безразличной, хотя внутри вся кипела от её самонадеянности.

– Он очень даже ничего. – Подметила Шейла, высматривая Джонатана в толпе с аппетитом хищницы. Вот-вот сорвётся с места и бросится на добычу.

Неподалёку её поджидал кружок из таких же охотниц, но меньшего калибра.

Все они пташками щебетали о Джонатане и поглядывали

на него, желая заарканить в свои сети. Каждая из них давно рыбачила и закидывала крючок в самую гущу богатых женихов, а с этого дня мой брат стал одной из самых крупных рыб. Как только отец объявил его своим преемником, они объявили охоту на сына великого Роджера Лодердейла. И каждая захочет откусить лакомый кусочек побольше. Но Шейла вне конкуренции. Её зубы, над которыми колдовали лучшие дантисты города, уже давно не так кривы, но всё так же остры и цепки.

– Имей совесть, Шейла. Джонатан только вернулся. – Разгорячилась я. – Дай ему время освоиться, прежде чем запускать в него свои когти.

За такую выходку мама бы по головке меня не погладила. На её взгляд, я даже дружила неправильно, потому что водилась с кем-то вроде Оливии, простой, работящей девушки, а не Шейлой, светской львицы, которая не проработала ни минуты своей жизни.

Раз уж обуздать дочь не получилось, Вирджиния Лодердейл наверняка возьмётся за сына. Сделает его своим очередным проектом и в ближайшее время выставит его на торги всем знатным и незамужним дамам Балтимора. Я с жалостью смотрела на младшего братишку, которому предстоит отбиваться от полчищ таких, как Шейла, которые захотят заполучить не только его самого, но и богатства Лодердейлов, что идут с ним в придачу. Надо бы предупредить Джонатана, чтобы глядел в оба…

Шейла ощетинилась, но выучила уроки своей мамочки получше меня, поэтому выдавила слащавую улыбку и елейно проговорила:

– Я смотрю, он и так уже освоился. – Джонатан как раз вызвал бурный смех папиных коллег какой-то своей шуткой. – А выпускать когти, видимо, это по твоей части.

Бросив обвинение в моём неуважении к её величеству, Шейла хмыкнула и вернулась к своим подружкам, а я остаток вечера провела в компании бокала шампанского, из которого отхлебнула от силы раза три. Нет ничего печальнее, чем чувствовать себя одиноко среди толпы. И даже в постели с женихом, который сгрёб меня в охапку, дыхнул парами виски, пожелав спокойной ночи, и заснул быстрее, чем я успела ответить.

С Марком мы познакомились всего полгода назад. Довольно странно, ведь наши семьи знали друг друга с моего детства. Младший брат Марка Ян ходил в один класс с Джонатаном. Когда тот исчез, его первого опросили и даже процитировали в газетах. Ян часто заглядывал к нам в гости, но его старшего брата я увидела лишь пятнадцать лет спустя, на благотворительном вечере, что организовала мама в поддержку американских журавлей. Последние четыреста особей населяли штат Висконсин, но почему-то журавли волновали «Белых ангелов» гораздо сильнее, чем нищие, безработные, пострадавшие от природных стихий и больные раком.

Не помню, как маме удалось затащить меня в зал для приёмов отеля Шератон, да ещё и увесится драгоценным колье. Наверняка она использовала шантаж, угрозы или просто давила на жалость, что удавалось ей лучше всего. Пока она вертелась среди толстосумов, готовых распрощаться с сотнями тысяч долларов, лишь бы журавли продолжали размножаться в Висконсине, я стояла, как и вчера, с бокалом в руке и натянутой улыбкой, ища пути отхода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.